

Блестящий автор Ян-Филипп Зендкер подарил нам историю поразительной силы и проникновенности...

Romance Book Reviews

Ян-Филипп ЗЕНДКЕР

СЕРДЦЕ,
КОТОРОЕ
ПОМНИТ

История эта гипнотизирует заключенной в каждую фразу поэзией, и в финале ты ощущаешь себя преображенным — причастившись нетленной любви, которая способна выдержать испытание временем.

Goodreader

Искусство слышать стук сердца

Ян-Филипп Зендкер

Сердце, которое помнит

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

Зендкер Я.

Сердце, которое помнит / Я. Зендкер — «Азбука-Аттикус»,
2019 — (Искусство слышать стук сердца)

ISBN 978-5-389-19898-2

Двенадцатилетний Бо Бо – необычайно проницательный ребенок, он умеет читать эмоции людей по их глазам. И этот дар сильно осложняет жизнь мальчика, который живет со своим восьмидесятилетним дядей в небольшом городке в Бирме и страстно хочет узнать, почему отец навещает его лишь раз в год, а мать вообще не приезжает. И дядя рассказывает ему не только потрясающую историю любви Джулии и Тхар Тхара, но и о страшных событиях, которые сломали Джулию. В памяти Бо Бо остались лишь обрывки воспоминаний о пожаре в монастыре, где он жил с родителями, о ране, которую в гневе Джулия нанесла своему сыну. Однако дядя говорит, что сердце помнит все. И Бо Бо, убежденный, что может исцелить свою мать, может научить ее жить в согласии с собственным сердцем, отправляется на поиски родителей... «Сердце, которое помнит» – это превосходное продолжение романов «Искусство слышать стук сердца» и «Сердце, живущее в согласии». Впервые на русском языке!

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-389-19898-2

© Зендкер Я., 2019
© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

От издателя	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	23
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	30
Глава 10	32
Глава 11	34
Глава 12	38
Глава 13	40
Часть вторая	43
Глава 1	43
Глава 2	45
Глава 3	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ян-Филипп Зендкер

Сердце, которое помнит

Посвящается Анне, Флорентине, Терезе, Джонатану и Дороте

Gareth L. Powell

LIGHT OF IMPOSSIBLE STARS

Copyright ©2020 by Gareth L. Powell

This edition is published by arrangement with Conville & Walsh UK and Synopsis Literary

Agency

All rights reserved

© Г. В. Соловьева, перевод, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

От издателя

Это художественное произведение. Имена, персонажи, места и события являются плодом воображения автора, и любое сходство с реальными людьми, живыми или умершими, событиями и местами является совершенно случайным.

Часть первая

Глава 1

Как говорит мой дядя, любовь присутствует в каждой истории: в величественной или в бесхитростной, в прекрасной или в иной. Вы найдете любовь в историях, заставляющих нас плакать, равно как и в других, поднимающих наш дух.

Мы сидели на полу в кухне. Наступил вечер, стало прохладнее. Видя, что дядя дрожит, я сходил за одеялом, укутал его плечи и снова сел.

В очаге потрескивал огонь. Я смотрел на угли и слушал дядю, хотя и не вполне понимал то, о чем он говорил.

– Истории могут быть очень старыми, насчитывающими сотни и даже тысячи лет и родившимися в диковинной и далекой стране. Или совсем свежими, сочиненными минувшим вечером в маленькой хижине за рекой. Но у всех значительных повествований есть общая тема: потребность человека в любви... Бо Бо, ты меня слушаешь? – (Я кивнул.) – Нет большей силы, чем любовь, – тихо продолжал дядя. – У нее неисчислимое множество лиц и обликов. Никакой другой предмет так не занимал поэтов в прошлом и не будет занимать в будущем. И это неспроста, иначе мы бы всё позабыли.

Видя по моему лицу, что его слова лишь сильнее меня запутали, дядя наклонился ко мне, словно собирался раскрыть большой секрет, но затем вдруг передумал.

Это было очень на него похоже. Вот уже несколько недель, когда мы садились у очага, дядя принимался рассказывать какую-нибудь историю, но неизменно обрывал ее, не доведя до конца.

Он рассказывал о времени, когда был маленьким, а окружающий мир – огромным, когда в Кало не было ни автомобилей, ни телевизоров.

О жене, умершей совсем молодой.

О матери, способной преодолевать большие расстояния, не делая ни шагу.

О мальчике, якобы способном различать породы бабочек по шелесту крыльев.

По правде говоря, во многие из дядиных историй мне было трудно поверить. Ну кто способен услышать шелест крыльев летящей бабочки? Но дядя рассказывал очень ярко, и я ловил каждое слово.

– Ну вот опять, – пробормотал дядя. – Когда это закончится? О чем я говорю? Что мальчишка твоего возраста может знать о любви?

Какой ответ хотел услышать дядя? В самом деле, что может знать о любви двенадцатилетний мальчишка?

Ничего.

Или совсем мало.

А может, больше, чем кажется дяде?

На этом, к моей досаде, наш разговор оборвался. Я бы с удовольствием слушал дальше. У дяди замечательный голос. Если он начинает рассказывать, я забываю обо всех дневных заботах. Когда я был совсем маленьким, дядя мне пел и я засыпал.

Мог ли я знать, что все дядины недосказанности – лишь начало куда более длинной истории и что, когда мы доберемся до конца, я наконец-то пойму все то, о чем он неделями пытался мне рассказать? Разными способами: порой словами, а порой без слов.

На следующее утро дядя начал рассказывать мне о своей младшей сестре, что уже было необычным.

Он лежал на кушетке, накрывшись легким одеялом. Я подложил ему под голову две подушечки. Потом заварил дяде чай и уселся на пол рядом с ним. Глаза у дяди были закрыты, а рот открыт, словно он уснул. Дождь прекратился. Щебетали птицы. Я думал, что напрасно сижу здесь, когда мог бы спуститься во двор и накормить кур. В этот момент дядя прошептал мое имя.

– Бо Бо, ты здесь? – спросил он.

Я взял его за руку. Я часто так делаю. Рука была мягкой и теплой. Дядя улыбнулся, не открывая глаз. Я крепко держал дядину руку. Ему это нравилось, особенно когда он уставал или не мог уснуть.

А нынче он уставал часто. Главным образом по утрам. Иногда я думал, что дядя заболел, но он всякий раз советовал мне не беспокоиться понапрасну. Это просто вопрос возраста. Человек, которому под восемьдесят, время от времени чувствует себя усталым, только и всего. Не знаю, так ли это. Мне пока двенадцать. Дядя – единственный восьмидесятилетний из тех, кого я знаю. Во всяком случае, кого я хорошо знаю.

Какое-то время мы с ним молчали. Во дворе ветер гнул стебли бамбука, и они скрипели. Вокруг нас с жужжанием вилось несколько мух. Из соседнего двора вкусно пахло готовящимся карри.

Его сестра обладала большим сердцем и была самой красивой из всех известных ему женщин. Конечно, за исключением его жены и матери. У нее была изящная, грациозная фигура танцовщицы, необыкновенно выразительные глаза и смех, способный согреть сердце.

Не знаю, так это или дядя преувеличивал. Я ее очень давно не видел. Даже не помню, как она выглядит и как звучит ее смех, не говоря уже о том, способен ли он согреть мне сердце.

– А вы с ней похожи? – захотелось мне узнать.

Дядя очень долго раздумывал над моим вопросом, и мне стало казаться, что он не ответит.

– И да и нет, – наконец сказал дядя. – У братьев и сестер всегда так. В чем-то они – как две капли воды, зато в другом до боли далеки.

У меня нет ни братьев, ни сестер, а потому я не знаю, прав ли дядя. У меня есть только он – мой дядя У Ба. Мы с ним совсем не далеки. Во всяком случае, не настолько, чтобы это вызывало боль.

– Сколько у нее детей? – осторожно спросил я.

Дядя молча повертел головой и наморщил лоб. Я не понимал смысла этого жеста. По собственному опыту могу сказать: взрослых не всегда легко понять.

Мне хотелось задать дяде кучу вопросов о его сестре. Например, узнать, здорова ли она. Как у нее дела. Сможет ли она приехать к нам. Но я знал: он не ответит.

Не желая, чтобы дядя совсем замолчал, я примостился на краешке кушетки и стал массировать ему ноги. Дяде это нравилось, и обычно он делался более разговорчивым.

– У Ба, расскажи еще о ней, – стал просить я, надеясь узнать что-нибудь новое. – Расскажи ее историю.

– Как-нибудь в другой раз, – зевнул он.

– Нет, нет, расскажи сейчас. Пожалуйста!

Все мои просьбы были напрасны. Дядя приоткрыл глаза и улыбнулся мне. Вид у него был утомленный.

Вскоре его голова повернулась набок. Ему на щеку села муха и поползла к кончику носа. Я ее согнал.

– У Ба... – шепотом позвал я. – У Ба...

Он даже не шевельнулся.

Не желая его будить, я еще немного посидел на кушетке. Потом встал и вышел во двор, где меня ждали привычные дела. Нужно было накормить кур и свинью, постирать белье и

выполоть грядки. Сегодня я собирался починить велосипед. Вчера я пропорол шину: ехал по раскисшей дороге и не заметил, как наскочил на гвоздь или осколок.

Иногда я не знаю, что и думать про У Ба. Зачем утром он вдруг упомянул свою сестру? На него это было не похоже. Наверное, боялся огорчить меня своим рассказом.

У дяди только одна сестра. Думаю, вы уже догадались, что это моя мама.

Глава 2

Вокруг меня беспокойно толпились голодные куры. Едва я кинул им горсть корма, куры набросились на него так, словно давным-давно не ели. Две курицы подрались из-за зерна. Я вмешался и разнял их.

Не могу спокойно видеть голодную живность. Даже кур.

Я занимался своими делами во дворе, стараясь не думать о маме, однако мысли мне не подчинялись.

Все мои знакомые ребята живут со своими матерями. Почти все. Родители Ма Шин Моэ погибли в прошлом году. Они ехали на автобусе и попали в катастрофу. Мать Ко Мьята работает в Таиланде. Но она приезжает каждый год. Если не каждый, то раз в два года.

Подумав еще, я вспомнил про близнецов Ма Сан Йи и Маунг Тин Оо. Их мать умерла в родах. Отец снова женился, и у них есть хотя бы мачеха. Не скажу, что она слишком к ним добра, но она рядом.

О своей маме я знаю немного: только то, что она живет в Янгоне¹ и у нее не все в порядке со здоровьем. Но чем она больна, мне неизвестно.

Я понятия не имею о том, что маме нравится и что ее тревожит. Даже не знаю, любит она рис, как я, или лапшу, как ее брат.

Не знаю я и о том, крепко она спит по ночам или у нее бывает бессонница, как у дяди. Просыпается ли она по ночам и зовет меня только для того, чтобы убедиться, что меня нет рядом?

Я не знаю ее запаха. Не знаю, как звучит ее голос. Не знаю, похож я на нее или нет.

Даже не помню, когда мы с ней виделись в последний раз.

У дяди была ее фотография, которую он использовал в качестве закладки для книг. Мама, У Ба и я стоим на заснеженном крыльце, в шапках и рукавицах. Мама держит меня на руках – совсем еще маленького, завернутого в одеяло. Мы все старательно смотрим в объектив аппарата.

Однажды дядя забыл книгу на дворе. Хлынул дождь, насквозь промочивший страницы и снимок. С тех пор мама превратилась в очень красивое разноцветное пятно среди других пятен.

Чтобы прогнать эти мысли, я начал считать вслух. Есть у меня такая привычка. Если мне о чем-то не хочется думать, я просто начинаю считать. А если меня что-то тревожит или пугает, я начинаю считать то, на что падает взгляд. Например, плоды на дереве авокадо. Цветы на кусте гибискуса. Спицы на колесах моего велосипеда и даже ступеньки.

Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать...

Но сегодня мне никак не прогнать назойливые мысли.

Никак не перестать думать о маме.

Я ушел от кудахчущих кур в самый дальний угол двора и сел перед муравейником.

Тысячи муравьев ползли двумя черными колоннами вдоль кустов бугенвиллеи, направляясь к папайе. Там, по непонятной мне причине, они делали резкий поворот и уползали под изгородь в соседний двор.

Мне нравилось следить за муравьями. Они были живым доказательством того, что сила никак не связана с величиной тела. Муравьи перетаскивали листья, хвоинки и куски коры, которые были значительно тяжелее их.

---

¹ Новое (с 2005 г.) название Рангуна. Автор использует прежнее название страны – Бирма, хотя с 1989 г. страна называется Мьянмой. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Если на их пути я клал палки или камни, они останавливались на мгновение, прощупывали их своими крошечными ножками и усиками, а затем проходили над ними, под ними или обходили их, независимо от того, насколько высоким или широким было препятствие. Они обладали потрясающей целеустремленностью, и ничто не могло помешать им в достижении намеченной цели.

Эта мысль меня взбодрила.

Еще муравьи никогда не выказывали признаков страха. Можно подойти и топнуть ногами. Муравьи продолжают заниматься своим муравьиным делом. Не то что жуки, черви и мокрицы. Мокрицы невероятно трусливые твари: стоит мне поднять камень – тут же бросаются врассыпную.

Я сидел, смотрел на муравьев, вглядывался в их неутомимое движение, пока не потерял представление о времени.

Тревожные мысли постепенно ушли, я почувствовал себя лучше и вернулся в дом.

На ступеньках лежала пара дядиных рубашек, две мои зеленые школьные лоунджи² и кипа футболок. Рядом примостились грабли, которыми я собирался воевать с сорняками. Однако мне совсем не хотелось возиться со стиркой или копать в огороде. Я поднялся в дом проводить У Ба.

Дядя все так же неподвижно лежал на кушетке. Одеядо сползло на пол. Я поднял его и сложил. Оно уже не хранило тепло дядиногo тела.

Я не стал чинить колесо. Поставил запасное и поехал в город.

Сегодня был базарный день, а значит, на улицах прибавится людей, машин и мотоциклов. Надо смотреть в оба, а то мопед уже чуть не отбросил меня на обочину.

Дядя рассказывал, что не так давно на улицах Кало вообще не было ни машин, ни мотоциклов. Люди передвигались пешком, на велосипедах и многочисленных повозках, запряженных лошадьми. Электричество тогда выключалось в девять часов вечера, и на город опускался блаженный покой. Те, кто побогаче, зажигали свечи. Те, кто победнее, просто ложились спать. И не было ни компьютеров, ни телефонов, ни иностранных туристов.

Мне такого не представить. Нынче все взрослые только и пялятся в мобильные телефоны. Чем бы они тогда заполняли время?

На базаре почти над всеми лотками натягивают брезент, чтобы дождем не намочило. Возле лотков не протолкнуться. Пахнет сушеной рыбой, кориандром и свежемолотым перцем чили. Торговцев мясом я всегда обхожу стороной. Не выношу зловония расчлененных мясных туш. Этот запах цепляется к моим ноздрям и держится часами.

Сегодня на базаре было полно людей разного возраста, но мне казалось, что я вижу только матерей с детьми. Торговки, которым было не с кем оставить малышей, брали их с собой на базар, и те ползали на животе среди гор моркови и картофеля. Покупательницы носили детей за спиной или держали на руках. Женщины хлопотали над детьми: кормили их, пели песенки и укачивали.

Я смотрел на них, и мне опять стало грустно. Я бесцельно бродил от лотка к лотку. Больше всего мне сейчас хотелось вернуться домой, к дяде, и улечься рядом с ним на кушетку. Но вчера он просил купить чая и пачку чирут³. Еще я купил яиц и овощей на обед, немного выпечки, а также два букета желтых и белых хризантем для домашнего алтаря. У торговки сладостями я купил дяде два куска молочного кекса. Он меня об этом не просил, но я знал, как У Ба любит эти кексы. Погрузив купленное на багажник велосипеда, я поехал к Ко Айе Мину.

---

² Лоунджи – национальная одежда бирманцев, как мужчин, так и женщин; мужская юбка представляет собой кусок хлопковой ткани, сшитый по боковому шву.

³ Чирута – сорт сигар с обрезанными концами.

Его контора находится на боковой улице, неподалеку от рынка. Над дверью красуется вывеска: «Приключенческие туры с Аароном». Он называет себя Аароном, опасаясь, что иностранцам будет не запомнить его бирманское имя. Он работает гидом, то есть получает деньги за то, что водит людей по разным местам. Как-то я спросил его, что это за непонятная работа такая – водить иностранцев – и почему ему за нее платят. По-моему, таким делом надо заниматься бесплатно; просто чтобы с кем-нибудь подружиться. Или помочь тому, кто заблудился. Он ответил, что его работа называется «туризм», и добавил, что я, наверное, еще слишком мал и не понимаю особенностей взрослого мира.

Для меня и сейчас загадка: ну какие могут быть приключения, когда бродишь по Па-О, Карену, Дану или Палонгу? Так называются деревни вокруг Кало. Однако в сухой сезон сюда приезжают толпы иностранцев, и К^о Айе Мин бывает очень занят. Он работает практически без выходных, и мы с ним почти не видимся. Зато в сезон дождей туристов немного. Тогда Ко Айе Мин просто сидит в своей конторе, и времени у него предостаточно. Мы играем в шахматы или говорим о футболе. Своих детей у него нет, поскольку он не женат. До недавнего времени у него была подруга, но не местная. Она жила где-то возле Манадалая. Знакомить родителей с Ко Айе Мином она не хотела и просто иногда приезжала в Кало. В такие дни К^о Айе Мину становилось не до меня. Но я не жаловался. Надолго она не задерживалась, а с какого-то времени вообще перестала приезжать.

Ко Айе Мин мне как брат, хотя он намного старше. По-моему, ему лет тридцать. Но разница в возрасте нам не мешает. У нас хватает тем для разговора, а если мы не настроены говорить, как сегодня, можно просто молчать вместе.

Он точно знает, о чем можно меня спрашивать, а о чем нельзя. Думаю, есть люди, которые знают об этом сами, и им даже не надо говорить.

Ко Айе Мин ни разу не спросил меня о матери.

Он ни разу не упомянул про мой шрам.

Не то что ребята и учителя в школе. Мой шрам – темно-красного цвета, шириной со спичку. Он тянется от левого уголка рта почти до уха. У Ба думает, будто я редко его вижу, поскольку у нас дома нет зеркал. Дядя ошибается. Я вижу шрам каждый раз, когда кто-то смотрит на мое лицо.

Иногда внутри шрама возникает тянущее ощущение. И тогда я знаю: погода будет меняться.

В другие дни он вдруг начинает болеть и жечься. Это предвестники полосы неудач.

Ко Айе Мин обрадовался моему приходу. Он сидел в дальнем углу кабинета и читал книгу. На столе лежали газеты, карты и несколько нераспечатанных писем. Между ног Ко Айе Мина была зажата полупустая бутылка кока-колы.

– Привет, Шерлок, – сказал Ко Айе Мин, откладывая книгу.

Мы с ним посмотрели пару фильмов про Шерлока Холмса, после чего он стал звать меня Шерлоком. Ко Айе Мин утверждает, что я напоминаю ему знаменитого детектива, поскольку всегда задаю вопросы и у меня острый ум.

– Рад тебя видеть. Как поживаешь? – спросил он.

– Нормально. А ты?

– Тоже нормально.

Это было враньем. На душе у Ко Айе Мина кошки скребли, причем сильно. Меня ему не одурачить, поскольку я обладаю даром, смущающим даже меня самого. Стоит мне посмотреть человеку в глаза – и я вижу, что он чувствует.

Конечно, если чьи-то глаза полны слез, любой скажет, что этому человеку грустно. Я не о таком знании. Я вижу, когда людям грустно, даже если они смеются.

Я вижу, как кто-то сердится, хотя делает вид, будто у него все прекрасно.

Я вижу, когда гнев служит маской, за которой прячется страх.

Я чувствую напряженность за дружелюбно звучащим голосом.

Ваши глаза всегда вас выдают. Они не умеют притворяться. Не умеют врать, даже когда этого хотят. Часто чужие глаза рассказывают больше, чем я хочу знать, и тогда мне становится не по себе. Тяжело видеть, как кто-то врет.

Поэтому я стараюсь никогда не смотреть другим в глаза слишком долго. Лучше смотреть в сторону или под ноги.

Если же так не получается, я могу смотреть и не видеть. Бывает, вы слушаете человека, но не слышите, о чем он говорит. Смотреть тоже можно не видя.

Дядя – единственный, кто знает о моем даре. Когда я рассказал ему, он погрузился в глубокое раздумье, посасывая погасшую сигару. Он качал головой, словно не мог в это поверить. Однако я понял: дядя не усомнился в моих словах.

Однажды дядя перебил меня на полуслове и спросил, не обладаю ли я также и исключительно острым слухом. Я не понял, почему он об этом спросил. Потом он захотел узнать, могу ли я распознавать различные эмоции. Мне было нечего ответить. Когда я смотрю в чужие глаза, то замечаю их блеск или подмигивание. Бывает, они вспыхивают, как угольки в огне. Глаза могут сверкать, вздрагивать, подергиваться тенью, а в следующее мгновение становиться почти прозрачными. Мне встречались люди с глазами пустыми, как у мертвой птицы. Я видел глаза, выпученные от страха. Такими бывают глаза курицы, которой вот-вот отрубят голову. Есть глаза тусклые, как вода в глинистой луже, а есть горящие, словно солнце. У каждого выражения бесконечное множество оттенков, и у каждого оттенка – свой особый смысл.

Дядя утверждает, что такой же способностью обладают младенцы в первые месяцы жизни. Они умеют считывать состояние матери по глазам. Возможно, я просто не утратил эту способность. Мы говорили об этом всего один раз, но с тех пор бывали моменты, когда дядя не давал мне заглядывать ему в глаза.

По словам У Ба, в Кало только двое умеют читать мысли. Один – старый астролог. Возможно, еще и старый седой монах в монастыре на холме, вознесшемся над городом. Не знаю, так ли это. Я не могу читать чужие мысли. Даже когда люди рассказывают, о чем они думают, мне часто бывает трудно понять смысл их слов.

По глазам Ко Айе Мина было видно: его что-то угнетало. Осталось понять, что именно. С этой проблемой я сталкиваюсь постоянно. Я могу сказать, когда человек подавлен, счастлив или обеспокоен. Но чем – понятия не имею. Иногда люди заявляют, что у них все прекрасно, а я-то вижу: ничего подобного. Прежде я больше доверял их словам, чем глазам, но сейчас придерживаюсь иного мнения.

Ко Айе Мин помолчал, глотнул кока-колы, затем спросил:

– Может, и ты хочешь?

– Нет, спасибо. – Я смотрел на большую карту Бирмы, висевшую у него за спиной. – Нет ли у тебя чего-нибудь новенького почитать?

Ко Айе Мин встал и подошел к шкафу, где лежали книги. Иностранцы, которых он водит, всегда оставляют ему прочитанные книги. Разумеется, от книг на финском, корейском или французском нам мало толку, зато мы очень радуемся появлению книг на английском. Контора Ко Айе Мина – единственное место в Кало, где можно раздобыть англоязычные книги, а мы с ним очень любим читать. Ко Айе Мин запрокинул голову, вглядываясь в корешки. Наконец он вытащил книгу и протянул мне.

«Международный бестселлер» – уверяла крупная надпись на обложке. Автора звали Джон Грин. О таком писателе я не слышал. Я посмотрел название: «Виноваты наши звезды».

– Нет, спасибо, – сказал я, возвращая книгу. – Астрология меня не интересует.

– Это совсем не про астрологию. Прочти. Тебе понравится. Обещаю.

Я засунул книгу в сумку с покупками и поблагодарил Ко Айе Мина.

– Хочешь повозиться с компьютером? – спросил он.

Я покачал головой.

У него есть компьютер, и когда Ко Айе Мин на нем не работает, мне позволяется играть или бродить по Интернету. Дома у нас нет даже телевизора, не говоря уже про компьютер. Наш мобильный телефон совсем старый. По нему можно только звонить.

Звонить нам некуда. В адресной книге значится всего один номер.

У Ба говорит, что смартфон нам не нужен. Его сердце недостаточно велико, чтобы впустить туда весь мир. А мое сердце еще слишком мало.

– А как насчет шахматной партии? – предложил я.

Ко Айе Мин кивнул. Из другого шкафа, со стеклянными дверцами, он достал фигуры и игральную доску, которую я подарил ему месяц назад. С помощью У Ба я сделал ее из тика. Склеил несколько дощечек, а затем расчертил клетки. Его старая доска была пластмассовой, и как-то ночью ею полакомились крысы. Пока я расставлял фигуры, он завел таймер – настоящих шахматных часов у него не было. Мы сыграли две быстрые партии. Обе Ко Айе Мин выиграл.

– Что с тобой сегодня? – удивился он.

Обычно я хорошо играю, однако сегодня мои мысли находились далеко от шахматной доски.

Меня интересовало: насколько грациозно двигается танцовщица?

Насколько красиво могут сверкать чьи-то глаза?

Какой смех может согреть сердце?

– Ничего, – ответил я Ко Айе Мину. – Ничего.

Глава 3

– Шрамоносец! Уродливый шрамоносец!

Я обернулся. Это был Соэ Аунг. Мы с ним питали неприязнь друг к другу. Крикливый мальчишка, которого все боялись из-за двух его старших братьев, дрянным характером не уступавших младшему. На этот раз он обозлился на меня за то, что я не дал ему списать контрольную по английскому.

– Шрамоносец!

– Повтори еще раз – и я тебе врежу!

На мгновение мне вспомнились правила У Ба: «Будь приветлив с неприятливыми людьми, поскольку они особенно в этом нуждаются». Я часто слышал от него эту фразу. Но сегодня решил: с меня хватит.

– Шрамоносец, – произнес Соэ Аунг и скорчил рожу.

Я ударил так быстро, что он не успел пригнуться. Врезал ему по щеке с такой силой, что звук удара был слышен по всему школьному двору. Он попытался схватить меня и опрокинуть на землю, но я был сильнее и сделал ему шейный захват. Вокруг нас собрались мальчишки. Соэ Аунг извивался, пытался кусаться, царапаться и хватать меня за волосы. Стычки между нами происходили и раньше, но эта была ожесточеннее прежних. К сожалению, едва мы начинали драться, всегда находился кто-то, кто услужливо звал его старших братьев. Я почувствовал, как сильные руки схватили меня за плечи. Братья оттащили меня от Соэ Аунга. Они били меня в живот и грудь, потом толкали, пока я целиком не вывалился в грязь.

Один учитель нас разнял. Трое братьев удалились, как всегда пригрозив поквитаться со мной. А меня повели к директрисе.

Она была пожилой женщиной, ростом не намного выше меня. Голос у нее был резким и холодным. Едва взглянув ей в глаза, я понял: ничего хорошего меня не ждет. Они пылали гневом.

– Опять ты! – прошипела директриса.

Она ждала, что я опущу голову, но я и не думал этого делать. Я стоял, распрямив плечи, и смотрел на противоположную стену.

В углу ее кабинета стояла трость. Я должен был приподнять лоунджи до бедер. Закрыв глаза, я мысленно представил дерево манго и принялся считать плоды.

Один.

Два.

Три.

Первый удар заставил меня поморщиться. Второй тоже. Дальнейших ударов я уже не чувствовал.

У Ба сидел на верхней ступеньке крыльца, за пеленой воды, льющейся из наших переполненных водосточных труб. Рядом с ним стоял транзисторный приемник. Один раз в день он все-таки впускал в свое сердце большой мир, слушая выпуск новостей по Би-би-си. Когда он слушал новости, его лицо неизменно мрачнело. Я недоумевал: зачем изо дня в день делать то, что портит настроение?

Едва увидев мои грязные, мокрые вещи и разорванную, забрызганную кровью рубашку, дядя сразу понял, что со мной приключилось.

Я прошмыгнул мимо него в дом, быстро надел чистую лоунджи, натянул сухую футболку. Потом вернулся на крыльцо и сел рядом с ним.

Дядя выключил радио, положил руку мне на колено, но ничего не сказал. Мимо нас пробежала ящерица, затем вторая. Они спешили в дом, спасаясь от дождя.

– Ты голоден? Приготовить чего-нибудь поесть?

Дядя не понял моих вопросов. Я наклонился к нему и повторил их, уже громче.

– Нет, спасибо, – ответил У Ба. – Я сыт.

По гофрированной железной крыше и банановым листьям во дворе стучали крупные капли дождя. Трудно говорить при таком шуме. Но сейчас мне было не до разговоров.

– У тебя в школе что-то случилось? – после долгого молчания спросил дядя.

– Да. Соэ Аунг, этот... – Я прикусил язык и быстро добавил: – Он обозвал меня уродливым шрамоносцем.

– Разве это причина для драки?

– Нет, – тихо ответил я. – Но если я всегда буду молча глотать его оскорбления...

– Тогда – что?

– Тогда... тогда...

А в самом деле, что тогда? Ответа я не знал. Я лишь знал, что до сих пор полон злости и не сожалею о драке.

– Мне нужно сходить к директрисе?

– Пожалуй, да. На этот раз все серьезнее.

– Так я и думал, – вздохнул дядя и не сказал больше ни слова.

Он слегка сжал мне колено, потом упер голову в ладони и стал печально смотреть на наш раскисший от дождя двор. Дядя сидел согнувшись, понурился плечи. В первый раз я понял, что больше и сильнее его. Должно быть, я сам не заметил, как вырос. Я смотрел на тощие, морщинистые предплечья У Ба и на такую же тощую спину, проступавшую под футболкой. Мне вдруг стало стыдно от мысли, что я теперь сильнее дяди, который с раннего детства заботился обо мне и оберегал от разных бед. Естественно, я признавал: моей вины в этом нет. Таков естественный порядок вещей. И все равно мне это не нравилось.

Мне вспомнилась наша шахматная партия на прошлой неделе. Дядя играл невнимательно и быстро потерял коня. Потом пешку. Чем дольше мы играли, тем отчетливее я видел, какого труда дяде стоит понимать мои ходы. Я заманил его в ловушку. Еще семь-восемь ходов – и я объявлю ему мат. И вдруг во мне что-то взбунтовалось. Прежде я никогда у него не выигрывал. Я намеренно стал делать ошибки. Пожертвовал ему слона, затем пешку. У Ба с радостью воспользовался преимуществом. В конце игры я не знал, чем раздосадован сильнее: тем, что могу выиграть у него, поскольку он стареет и делается забывчивее, или тем, что я позволил ему выиграть, а он этого даже не заметил.

С тех пор я под любым предлогом уклоняюсь от шахматных партий с ним.

Я сдвинулся на пару ступенек ниже и взялся за дядину ступню. Кожа у него грубая и жесткая, как древесная кора. У него часто болят ноги, отчего ему трудно ходить. Тогда он сидит на кушетке или на верхней ступеньке крыльца, а я массирую ему ступни.

Я надавил костяшками пальцев на подошвы его ног.

– Как приятно.

Совсем нетрудно доставить дяде удовольствие. Как он всегда говорит, есть много ключей к счастью. Один из них – скромность. Другой – благодарность.

Ногти у него на ногах слишком отросли. Я сходил за ножницами и подрезал их.

У Ба поднял голову и посмотрел мне прямо в глаза. У меня возникло чувство, будто он хотел что-то сказать. По его глазам я видел: дядю что-то тревожит. Взгляд был тяжелым, неуютным, без блеска. Глаза темные, потухшие, пустые. Они напоминали мозоли на его ступнях. Я умею читать по глазам У Ба лучше, чем по чьим-либо.

Меня одолели тяжелые предчувствия.

– Ты собираешься в дорогу? – как можно непринужденнее спросил я.

Дядя поджал губы и молча кивнул.

Раз в год дядя навещает сестру. Обычно он уезжал на несколько недель осенью, в самом начале сухого сезона.

Я знал: дяде трудно расставаться со мной. Я не хотел усугублять это состояние и потому изо всех сил прятал свои чувства. Меня тоже печалило расставание с ним.

Но в этом событии была и светлая сторона. Когда У Ба уезжал, ко мне приезжал отец.

Глава 4

Еще до восхода я услышал, как дядя гремит посудой на кухне. Вскоре в очаге затрещал хворост и весь дом наполнился запахом горящего дерева. Дядя давно не вставал так рано утром.

Когда я вошел в гостиную, он срезал свежие цветы для алтаря и наполнял рисом маленькую миску – приношение нашему Будде. Рядом с миской он положил два банана. Все дядины привычки я изучил наизусть.

Дядя всегда путешествовал налегке. Все, что ему требовалось на время, пока он гостит у сестры, умещалось в зеленую сумку из искусственной кожи: еще одна лоунджи, нижнее белье, три рубашки и записная книжка. Дома дядя читает по несколько часов в день, невзирая на то, что глаза его слабеют. Но в дорогу он не берет ни одной книги. Это меня удивляло. Жизнь без книг для дяди пуста. В них У Ба черпает утешение, когда оно ему нужно, а порой книги его отвлекают. Однажды он сказал, что книги служили ему компасом. Без них он бы не смог найти путь в мире и в собственной жизни.

Пока он собирается, мы разговариваем мало. Такая у него привычка. Даже когда дядя уезжает на день в Таунджи, столицу нашего штата, перед отъездом туда он тоже затихает. Он всегда говорит, что душа путешествует не быстрее пешехода. Она движется гораздо медленнее поезда или автобуса. Мне думается, дяде нравится давать душе фору во времени. Возможно, чтобы к месту назначения прибыть цельным человеком.

Я сбегал во двор, набрал воды из бочки и поставил чайник, чтобы вымыть дяде голову. В мыслях хаотично кружилось все, что я хотел ему сказать и о чем спросить перед отъездом. Но мой рот был как замурованный. Так я ничего и не сказал.

Перед самым выходом из дому, когда мы уже были готовы отправиться на станцию, мимо пронесся военный джип, резко затормозил и стал сдавать назад, пока не оказался вровень с нами. На пассажирском сиденье сидел офицер. Он уже несколько месяцев подряд ездит к нам. Когда я впервые увидел его у нас во дворе, мне захотелось заползти под дом и спрятаться в свинном загоне. Он крепче и крупнее всех знакомых мне мужчин, а взгляд у него зловещий. На его форме полно разноцветных значков, а на погонах – по три звезды и два листа. Он не просто военный, а полковник или что-то в этом роде. Так говорил мне У Ба.

– Где твой дядя? – прорычал он.

Я попятился и молча указал на дом. Военный поднялся по ступенькам, оставив странный запах.

Каждый раз, когда он приезжал, У Ба неизменно отсылал меня во двор, уверяя, что меня там ждет работа.

На дядю это было не похоже.

Снедаемый любопытством, я подполз к дому, где смог подслушивать их разговор через щели в половицах. Оказалось, дяде принадлежало несколько полевых наделов в окрестностях Кало. Точнее, не ему, а его давным-давно умершей жене. Военный хотел купить эту землю, причем немедленно.

Когда он уехал, соседи рассказали дяде, что наделы входят в зону, отведенную под новое строительство. Там должны появиться виллы, торговые центры, гольф-клуб и больница с вертолетной площадкой. У Ба много лет сдавал землю крестьянам из соседней деревни. Те выращивали рис и небольшую часть урожая отдавали дяде. Его такое положение вещей устраивало, и он ничего не хотел менять. Дядю не волновало, что земля растет в цене и может вырасти еще. Эти слова он каждый раз повторял полковнику (или что-то в этом роде), когда тот приезжал торговаться. Иногда дяде требовалось больше слов, а иногда он обходился меньшим их количеством.

Однако полковник не слушал, не понимал или понимал, но не принимал дядины слова всерьез. Каждый раз он предлагал все больше денег.

– Люди слышат только то, что хотят услышать, – простонал дядя после их прошлого разговора.

Сейчас военный высунулся из окошка и хмуро посмотрел на дядю:

– Куда-то собрались?

– Да, – не сбавляя шага, ответил дядя.

Джип медленно покатился за нами. Такое невежливое поведение было совсем не при-
суще дяде.

– Может, вас подвезти?

– Вы чрезвычайно добры. Благодарю за предложение. Племянник проводит меня на стан-
цию. К счастью, тут недалеко.

Мы шли рядом с джипом, глядя исключительно вперед.

– Так вы обдумали мое предложение? – спросил военный.

– Ваше предложение очень щедрое, – ответил дядя. – Настолько щедрое, что я не могу
его принять.

– Предоставьте это моим заботам.

У Ба шагал настолько быстро, что я едва за ним поспевал. Я был вынужден даже бежать,
чтобы не отставать.

И вдруг дядя остановился как вкопанный. Водителю джипа пришлось резко затормозить.

– Я смиренно прошу меня простить, если во время наших прошлых бесед невольно
создал у вас ложное впечатление, – начал дядя. – В мои намерения совсем не входит держать
вас в неведении относительно моих планов. Более того, после прошлого вашего визита я даже
был склонен воспользоваться вашим предложением. – У Ба замолчал, и военный пристально
посмотрел на него. – Но поскольку упомянутые наделы принадлежат моей покойной жене, я
решил посоветоваться с ней и прибегнул к помощи Тхан Вина. По моей просьбе и благодаря
его уникальным способностям он связался с ней. Вернее, с ее духом, если вам угодно. Тхан
Вин спросил, разрешает ли она продать упомянутые поля. Как ни печально, но моя жена не
дала разрешения. Более того, ее оскорбило само это предложение. В таких делах я не могу идти
против ее воли. Уверен, вы меня поймете. Решение этого вопроса находится не в моих руках.

Я взглянул в глаза полковнику (или что-то в этом роде) и быстро отвернулся. Дядя гово-
рит, что сердца некоторых людей полны уксуса.

– У Ба, я удивлен, что вы верите в духов, – сказал военный.

Даже я уловил в его голосе упрек.

– А разве мы все в них не верим? – возразил дядя. – Каждый по-своему.

Военный сердито усмехнулся:

– Остановитесь и подумайте, сколько всего вы могли бы на эти деньги купить для своего
племянника. – Мы не остановились, и тогда военный сказал: – Боюсь, вы делаете большую
ошибку. Никто не предложит вам лучшей цены.

– Знаю, знаю. – Дядя нагнулся к окошку джипа, словно хотел что-то сказать по секрету
этому полковнику. – Я пытался объяснить это моей жене. – Он глубоко вдохнул. – К моему
величайшему сожалению, эти доводы ее не убедили. А сейчас, с вашего разрешения, мы пой-
дем на станцию.

Дядя прибавил шаг. Я поспешил за ним.

Джип еще несколько ярдов катился рядом с нами. Мне стало жарко от гнева, струивше-
гося из глаз полковника. Потом мотор взревел, и джип уехал.

Едва машина скрылась из виду, мы пошли медленнее.

– Какой терпеливый человек, – тихо произнес У Ба, словно говоря с самим собой.

– В этот раз он совсем не выглядел терпеливым, – возразил я.

- Знаешь, Бо Бо, не так давно он не стал бы предлагать мне деньги за землю.
- А что бы он тебе предложил?
- Ничего. Он бы просто ее забрал.

Поезд уже ждал на станции. Торговцы предлагали чай и кофе в пластиковых стаканчиках. Ребята из моей школы несли на голове корзины с бананами, яблоками и выпечкой. Бродячие собаки рылись в отбросах. В окна вагонов передавали чемоданы, коробки и младенцев. Мы поднялись в вагон, и я стал искать для У Ба сидячее место. Дядя уезжал во время праздника Тадингют⁴, и потому все вагоны были переполнены. Пассажиры сидели в проходах, между сиденьями и в открытых дверях. Нас заметил сын соседки и уступил У Ба свое место. Дядя с благодарностью согласился. Я молча встал рядом.

Поезд сильно дернулся и покатился по рельсам. Одни торговцы спешно спрыгивали, другие, наоборот, заскакивали в вагоны.

У Ба молча стиснул мою руку. Это был наш знак. Но сегодня мне было трудно расставаться с дядей. Когда наконец я стал высвобождать руку, то почувствовал, как не хочется дяде меня отпускать.

Когда нам удалось расцепить руки, Кало остался позади. Я стал пробираться к двери, переступая через корзины с цветной капустой, картошкой, морковкой и курами. Прежде чем прыгнуть, я обернулся. Голова У Ба была повернута вбок. Он смотрел в окно.

Я подождал.

Он не повернулся.

Я еще подождал.

Дядя не поворачивался.

Я спустился на нижнюю ступеньку и прыгнул. Некоторое время я еще бежал за поездом, не выпуская его из виду. Когда поезд скрылся за поворотом, я повернулся и двинулся обратно в Кало. Мне нравилось идти между рельсами, перепрыгивая со шпалы на шпалу.

«Взрослые – это сплошная загадка», – думал я.

---

⁴ Второй по значению праздник после бирманского Нового года.

Глава 5

Когда У Ба уезжает, все вокруг меняется.

Наш дом вдруг становится больше.

Ночи делаются холоднее и темнее.

Дождь стучит громче.

Тишина становится тише.

Пустота – еще пустее.

Хотя я с нетерпением жду приезда отца, с каждым часом, прошедшим после расставания с дядей, тишина становится тише, а пустота – пустее.

Звучит странно, но это так.

Однажды я спросил У Ба, возникает ли и у него такое же чувство, когда меня нет.

Подумав минуту, он объявил:

– Нет. Ты никогда не уходишь больше чем на несколько часов. – Видя, что я разочарован таким ответом, дядя поспешил добавить: – Я, конечно же, скучаю по тебе, и, если бы ты куда-нибудь уехал, я бы чувствовал себя так же, как ты.

Возможно, мне просто не нравится оставаться одному.

Из соседних домов и дворов доносятся детские голоса. Мальчишки играют в чинлон⁵. От их смеха мне не становится легче.

Я включил старый кассетный магнитофон У Ба. По правде говоря, играет это устройство скверно: скорость нарушена, динамик свистит и хрипит. Кассет у нас всего три, и все с фортепианной музыкой. Но это лучше голосов снаружи или тишины в доме.

Я вычистил очаг, подмел на кухне и в комнатах, снял статую Будды с алтаря и тщательно вытер мокрой тряпкой. Потом стал наводить порядок на полках, вытирая пыль. Там мне попалась книга, взятая у Ко Айе Мина. Я сел на кушетку и стал читать. Прочитав несколько страниц, я закрыл книгу. Мысли мои блуждали далеко от сюжета. У Ба говорит: «Если ты слишком рассеян и не можешь следовать за сюжетом, то не имеешь права читать дальше».

Первый день всегда бывает самым тяжелым.

И шрам ощущается сильнее обычного.

Я походил из угла в угол и начал считать.

Один-два-три-четыре-пять...

После сотни я стал успокаиваться, а дойдя до пятисот, почувствовал себя лучше.

Я оглядел нашу гостиную с книжными полками от пола до потолка. Книг у нас больше, чем в книжном магазине, который несколько месяцев назад открылся на главной улице. Они стоят не только на полках, а стопками громоздятся на полу, возле дивана и изножья кровати.

Многие книги находились в ужасном состоянии, и У Ба взялся их реставрировать. Когда я был поменьше, то целыми вечерами лежал на кушетке и смотрел, как дядя работает, пока не засыпал. На реставрацию одной книжки у него обычно уходило от двух до трех месяцев. Иногда больше; бывало, что и меньше. Все зависело от толщины книги и ее состояния. Но дядя уже давно не реставрировал книги. Зрение у него ослабело, а руки начали трястись. Он как-то пожаловался, что реставрация книг утомляет его сильнее, чем раньше.

Я знаю, насколько это его беспокоит. По его мнению, мы богатейшие люди в Кало, если не во всем штате Шан. Мы окружены мудростью и знаниями, красотой и плодами воображения. Кто бы еще мог похвастаться таким богатством?

А почему бы не сделать дяде приятный сюрприз и не заняться его работой, пока он в отъезде? Я снял с полки картонную коробку с принадлежностями для реставрации. В одной

---

⁵ Чинлон – древняя бирманская игра в мяч, сплетенный из тростника.

баночке лежали крошечные кусочки белой бумаги. Другая была наполнена сероватым клеем. Там же лежал пинцет и несколько тонкопишущих шариковых ручек с черной пастой. Я перенес все это на стол, наугад потянулся за старой книгой и открыл ее. Это был роман Альбера Камю «Посторонний». Название мне понравилось. Книга была довольно тонкой. Черви, моль, термиты и влажность оставили следы на ее пожелтевшей бумаге. Особенно досталось нескольким первым страницам, где редко попадались неповрежденные фразы.

Я осторожно подцепил пинцетом кусочек бумаги, обмакнул в клей, приложил к дырке и придавил указательным пальцем. Когда клей подсох, я аккуратно подрисовал шариковой ручкой недостающие буквы. Я превратил «П он ий» в «Посторонний». «М ь» превратилась в «Мать». Потратив еще немного усилий, я восстановил «с бол з я» до «соболезнования».

Реставрация книг оказалась более тяжелым делом, чем я ожидал. Я постоянно наталкивался на незнакомые слова и фразы. Чтобы узнать, как они правильно пишутся и что значат, приходилось заглядывать в наше старое издание Британской энциклопедии.

Например, «шкатулка». Или «частная жизнь». В бирманском языке такого слова не существует.

Глава 6

– Much money, а не many money, – прошептал я.

Ко Тхейн Аунг, сидящий рядом, лишь посмотрел на меня.

– Что ты сказал? – тихо спросил он.

– Должно быть much money, а не many money, – повторил я.

Он усмехался, пока весь класс пять раз подряд хором повторял:

– I do not have many money⁶.

Я вздохнул и стал молча смотреть в окно. За окном шел дождь. Я попытался считать капли, ударявшие в оконное стекло передо мной. Занятие столь же бессмысленное, как этот урок английского.

– Three people, а не peoples.

На этот раз я сказал это так громко, что услышали почти все. В классе вдруг стало тихо. Все смотрели на нашу учительницу До Мьинт Наинг. Фраза просто сорвалась у меня с губ. Не специально, а случайно, как выпавший изо рта леденец.

– Что ты сказал?

Вскочив из-за стола, она подлетела ко мне с длинной деревянной линейкой. Такие линейки оставляют на руках красные следы.

– Ничего.

– Врешь! Я ясно слышала.

«Так что ж тогда спрашиваете?» – хотел ответить я, но решил, что с меня достаточно бед.

– Что ты сказал? – резким тоном повторила учительница.

– Я просто говорил сам с собой, – пробормотал я, подавив тихий стон.

– Бо Бо, я в последний раз тебя спрашиваю, – прошипела она.

– Я сказал, что слово people не имеет множественного числа, поскольку уже обозначает множественность лиц. Правильно будет three people, а не peoples.

До Мьинт Наинг умеет быть строгой. Умеет быть несправедливой. Умеет до крови бить линейкой по пальцам. Но говорить по-английски она не умеет.

Я умею и тем самым доставляю ей головную боль. Дядя говорит со мной только по-английски, чтобы в английском я чувствовал себя столь же легко и свободно, как и в бирманском. Мне пришлось пообещать директрисе, что я не буду поправлять учителей английского в присутствии класса, а приберегу свои исправления для разговора с глазу на глаз после уроков. Иначе другие ученики могут потерять уважение к учителям. Я это понимаю, но иногда искушение вмешаться бывает сильнее меня. Особенно на уроках До Мьинт Наинг. Она жена армейского офицера, расквартированного в Кало. Ее младший сын учится в моем классе. Совершеннейший идиот с мозгами краба. Она никогда не вызывает его к доске, поскольку знает, что он не ответит ни на один вопрос. И тем не менее он получает отличные отметки за домашние задания и контрольные. И табель успеваемости у него такой же, как мой. Это меня злит.

Еще До Мьинт Наинг преподает физику и математику, которые знает ничуть не лучше английского.

Но старшие сестры этого идиота тоже получают у мамочки только «отлично».

Глаза учительницы пылали гневом.

– Сколько раз я тебе велела не мешать ведению урока? – спросила она, ударив по столу линейкой.

Уж не знаю, по какой причине, но я единственный в классе, кого ей не хватает смелости ударить.

---

⁶ У меня мало денег (англ., с грубой ошибкой).

– Извинись! – (Я молча отвернулся к окну.) – Вон из класса! Немедленно!

Я вышел и встал за дверью. Честно говоря, здесь я проводил немало времени. Не только До Мьинт Наинг прогоняла меня с уроков. Большинство учителей меня не любили. За что – не знаю. Меня считали дерзким. Я слишком много разговаривал на уроках. Отвлекал других учеников и забивал им головы дурацкими идеями. Все это полнейшая чушь. Худшее, на что я был способен, – это вслух произносить правильные ответы. Но едва я начинал перечить учителям, они злились. Когда мне становилось скучно, я просто клал руки на парту, опускал голову и пытался уснуть. Это учителям тоже не нравилось.

С первого класса дядя обучал меня каждый день, включая и выходные. Он считает, что в школе я ничему не научусь. В результате я самый успевающий ученик в нашем классе и единственный, кто не берет дорогие частные уроки у наших учителей вне стен школы.

Может, У Ба прав: это и есть причина их неприязни ко мне.

Глава 7

Как правило, через пару дней после отъезда У Ба у нашего порога появляется мой отец. Если он поедет поездом через Тхази, ждать его надо сегодня. Но если он отправится из Янгона на автобусе, то приедет завтра рано утром. Отец проводит со мной несколько недель и потом уезжает. А вскоре возвращается У Ба.

В этот раз прошло уже три дня, как дядя уехал, но отец так и не появился.

Я пытался не думать о нем, однако это нелегко, когда на самом деле с нетерпением ждешь его приезда.

Ко Айе Мин приглашал меня пожить у него до приезда отца. Я поблагодарил его за любезность и отказался.

Я боялся разминуться с отцом. Разумеется, это глупость, поскольку отец приедет не на один день. И все равно я хотел встретить его дома.

На четвертый день я встал затемно и поехал на велосипеде на автобусную станцию. Она находится на главной улице и связывает нас с остальным миром.

Моросил дождь. Добираясь до автобусной станции, я успел промокнуть и озябнуть. Я завернул в единственную чайную, открытую в такую рань. Она находилась напротив станции. Там было полно народа. Кто-то смотрел корейскую мыльную оперу, остальные сидели, уткнувшись в свои смартфоны. Официант меня знал. Он был другом бойфренда его дочери. Увидев меня, промокшего до нитки, он молча поставил передо мной чашку горячей воды и тарелочку с семечками подсолнуха.

Автобус опаздывал. Мое беспокойство нарастало с каждой минутой.

Я смотрел на семечки.

Один.

Два.

Три.

Семнадцать.

Сорок пять.

Шестьдесят.

Сто одиннадцать...

Солнце уже всходило, когда из-за угла появился автобус. У меня заколотилось сердце. Я стал следить за выходящими пассажирами.

Вышли трое молодых монахов.

Мать со спящим ребенком на руках.

Толстая тетка, едва сумевшая выбраться из автобуса. Багажа у нее было больше, чем она способна нести.

Мужчина, выходявший следом, споткнулся, поскольку смотрел не под ноги, а в телефон.

Две усталые туристки с крашеными волосами и рюкзаками за спиной. Обе удивленно крутили головой, словно приехали не туда.

Мужчина с маленьким мальчиком. А моего отца не было.

Я обошел автобус кругом. За большими тонированными стеклами виднелись сонные лица пассажиров. Люди сидели, прислонившись щекой к стеклу. Лиц было не разглядеть, и тогда я поднялся в автобус, но отца не обнаружил.

Путь домой показался мне очень долгим.

Около полудня я отправился на железнодорожную станцию. Поезд пришел несколькими минутами ранее, и платформа успела опустеть. Раздосадованный, я повернулся, чтобы уйти.

– Бо Бо!

Я мгновенно узнал этот голос, хотя слышал его совсем не так часто, как хотелось бы.

Он был ниже, чем голос У Ба. Сильнее, но такой же мягкий и зовущий.

Я обернулся. Отец ничуть не изменился со времени прошлого приезда. Высокий, худощавый, с длинными мускулистыми руками и ногами. Правда, тогда у него были короткие волосы. За это время он их отрастил и завязал в конский хвост. В его волосах прибавилось седины. Отец приехал в зеленой лоунджи, красной футболке, стоптанных вьетнамках и с новым красным браслетом на руке. Я помню родимое пятно у него на подбородке и то, что на правой руке у него недостает одного пальца. Никаких шрамов на щеках у него не было, только на предплечье.

На отцовском плече висела старая коричневая сумка. За спиной – гитара. Я и не знал, что он играет на гитаре.

– Привет, – поздоровался отец.

– Привет.

Мне хотелось столько ему сказать. Как совладать с этим потоком слов? Я чувствовал, что оно меня просто разорвет.

– Как дела?

– Хорошо. Очень хорошо.

Взбудораженный приездом отца, я забыл спросить, как его дела.

– Я по тебе скучал, – сказал отец.

Мы стояли и смотрели друг на друга, не говоря больше ни слова. Мой отец – очень тихий, спокойный человек. По крайней мере, когда мы вместе. Я ни разу не видел его другим. Мы могли провести целый день, перебросившись лишь несколькими фразами. Меня это вполне устраивает.

– Спасибо, что пришел меня встретить, – наконец сказал он. – Это очень любезно с твоей стороны.

Только теперь отец протянул ко мне руки. Он поднял меня, поцеловал в щеки и лоб, а потом крепко обнял. Я зарылся лицом в его волосы. Они пахли моей матерью. А может, мне так только казалось. Я не знаю ее запаха. Возможно, это просто запах, оставшийся от долгой поездки в поезде. Сделав несколько шагов, отец опустил меня на землю.

– А ты изменился, – сказал он, смерив меня взглядом. – Стал тяжелее и выше. Скоро меня перерастешь.

– Я так не думаю.

Как бы я ни пытался, мне было не представить себя выше, чем он.

Отец улыбнулся.

Иногда я не понимал, как относиться к его словам. Наверное, так было потому, что мы мало виделись. Или потому, что его глаза самые трудные для чтения.

Они у него темно-карие, почти черные, и очень, очень большие. Самые большие из всех глаз, какие мне встречались. И все равно мне по ним ничего не прочесть. Когда отец смотрит на меня, я теряюсь в его взгляде. В его глазах столько покоя и широты, что мне ни на чем не сосредоточиться, как бы я ни старался. Знаете, на что это похоже? Как будто лежишь ночью на лугу и смотришь в бездонное черное небо, полное перемигивающихся звезд.

Мы пошли домой. Я взял отца за руку. Его рука намного крупнее и сильнее, чем рука У Ба или моя. Он осторожно сжал мои пальцы, и мне захотелось сохранить ощущение одного этого прикосновения навсегда.

Идти спокойно я не мог. Тело требовало движения. Я пробежал несколько метров вперед, обождая, обернулся и помчался обратно к отцу, перепрыгивая через лужи. Он смотрел на меня и смеялся с оттенком усталости. Должно быть, поездка его утомила.

Когда он приезжал в прошлый раз, я хотел спросить его о маме. Я тянул с вопросом, откладывая со дня на день, а в день отъезда моя храбрость в последнюю минуту куда-то подевалась. Я поклялся себе, что на этот раз обязательно спрошу, но что-то уже подсказывало мне: когда дойдет до вопроса, я опять струшу.

«Подумай хорошенько, какой камень собираешься перевернуть», – всегда предупреждал меня дядя.

Вовсе не обязательно, что под ним окажется бабочка.

Глава 8

Мой отец умеет ладить с живностью. Я не знаю никого, кто бы еще умел это так, как он. Особенно с курами. Вы не поверите, но это так. Стоило отцу войти в наш двор, как куры сразу устремились к нему. Большие и маленькие, белые и пестрые. Как будто они его помнили. Отец присел на корточки и протянул руку. Куры без страха подходили к нему, клевали у него с ладони и даже позволяли их гладить. Отец издавал странные звуки, и несколько кур ответили ему громким кудахтаньем.

Я невольно засмеялся:

– Ты говоришь на их языке.

– Да. Я куриный сплетник, – усмехнулся отец. – А ты?

– Нет, – ответил я и выпучил глаза. – Люди не говорят на языках животных.

– Ты уверен? – Отец снова выпрямился. – Одно время моими лучшими друзьями была дюжина кур.

– Как можно дружить с курами?

Наверное, отец опять решил меня проверить. Бывая у нас, отец рассказывал мне кучу разных историй. Некоторые из них были правдой, остальные – выдумкой. Отцу было интересно проверить, сумею ли я отличить правду от вымысла.

– Можно подружиться с собакой. Или с кошкой. Но с курицей?

– А если ты настолько одинок, что тебе больше не к кому обратиться?

Мне подумалось, что уж я-то все знаю про одиночество. Бывали дни, когда мне становилось ужасно одиноко, но не настолько, чтобы захотелось подружиться с курами.

Отец повернулся и, сопровождаемый курами, пошел по двору, внимательно оглядывая наше хозяйство. Приезжая к нам, он всегда что-нибудь чинит в доме или во дворе. В прошлом году он соорудил новый курятник. В позапрошлом – заделал течь в крыше и заменил прогнившие ступеньки на крыльце. Сейчас отцовский взгляд остановился на сломанных желобах, которые мы с У Ба прикрепили проволокой к крыше. Сооружение получилось хлипким. От желобов тянулась такая же хлипкая паутина синих пластиковых труб, с помощью которых мы пытались собирать дождевую воду. Не скажу, чтобы очень успешно. Даже во время проливных дождей бочки заполнялись лишь наполовину. Это создавало нам некоторые трудности, поскольку водопровод работал по определенным дням, а то и вовсе бездействовал. Мы зависели от бочек, а они настолько прохудились, что зачастую мы брали ведра и шли за водой к соседям, рассчитывая на их щедрость.

Мы поднялись в дом. Отец внес сумку и гитару в спальню. Вид у него был усталый и, как мне показалось, немного встревоженный.

– Ты голоден? – спросил я, желая переключить отцовский разум на другие мысли.

– Да.

– Хочешь, что-нибудь приготовим вместе?

– Очень хочу.

Одно из любимых отцовских кушаний – рыбный суп мохинга. На следующий день после отъезда У Ба я купил все необходимое. Мы начали с готового рыбного фарша, в который для остроты добавили специй.

Я стал чистить луковицу. Вскоре мои глаза заслезились, и отец пришел мне на помощь. Он очистил вторую луковицу, несколько зубчиков чеснока, затем мелко нарезал стебель лимонного сорго и натер корень имбиря.

Я разогрел на сковороде масло, потом погрузил в него всю основу супа. Туда же я добавил по ложке молотого перца чили и куркумы. Через какое-то время лук стал прозрачным. Добавив к фаршу горстку рисовой муки, мы перемешали то и другое с водой, выложили на

сковородку. Смесь зашипела и начала густеть. По кухне распространился соблазнительный аромат. Я слышал урчание отцовского желудка. Отец попробовал суп и насыпал еще перца. Мы оба любим, когда во рту жжет.

В почти готовый суп отец добавил рисовой лапши. Через полчаса мы сидели на кушетке и ели суп. Отец чавкал громче меня.

За все это время мы не произнесли ни слова. Просто смотрели друг на друга и улыбались. Мне этого было достаточно.

Как я уже говорил, мой отец – человек молчаливый. Он не из тех, кто забрасает тебя вопросами. Насколько понимаю, он зачастую умеет и без слов выразить свою точку зрения.

После еды отец закурил чируту, а затем, порывшись в сумке, достал картонную коробочку.

– Я тебе кое-что привез. – Он протянул коробочку мне.

Каждый год отец привозил мне что-нибудь в подарок. Обычно книгу, купленную в секонд-хенде. Но в такую коробочку не то что книгу – маленький свиток с трудом запихнешь. Я с нетерпением поднял крышку и увидел губную гармошку. Я внимательно осмотрел подарок. Гармошка тоже была не из новых. Я осторожно дунул в нее. Никакого звука.

– Дунь посильнее, – подбодрил меня отец.

Я набрал побольше воздуха в легкие и быстро дунул. Звук получился отвратительным. Громким, металлическим и каким-то скрипучим, словно гармошка была сломанной.

Отец засмеялся и забрал у меня гармошку. Потом, держа ее большим и указательным пальцем, зажал между губами, словно намеревался откусить от нее кусок. Он закрыл глаза и начал играть.

Едва раздался первый звук, началось волшебство. Отец преобразился у меня на глазах. Я едва его узнавал. Он притоптывал то одной ногой, то другой. Вскоре он отбивал ритм всем телом, целиком растворившись в музыке. Он осторожно держал гармошку обеими руками. Меня заворожили звуки, которые он извлекал из этой нехитрой вещицы. В них не было ничего металлического, никакого скрипа. Ритм исполняемой мелодии невольно передался и мне. Я слышал ее впервые, но она мне сразу понравилась. Захотелось взять палку и стучать по столу, как по барабану. Весь дом звенел от отцовской музыки.

Закончив играть, отец обтер гармошку и подал мне:

– Попробуй еще раз. Это совсем не трудно.

– Где ты научился так играть? – удивился я.

– Нигде. Я самоучка. Если хочешь, я тебя поучу. Тогда вскоре мы сможем играть вместе: ты на гармошке, а я – на гитаре. Что ты об этом думаешь?

Мое счастье не вмещалось в слова, и потому я просто кивнул.

Глава 9

Две недели подряд время или текло слишком быстро, или тянулось еле-еле. В школе оно вообще останавливалось. Уроки казались скучнее прежнего и никак не могли закончиться. Ко второму уроку я уже начинал считать минуты до половины четвертого.

Я подумывал прогулять школу, подделав подпись У Ба на объяснительной записке. Иногда я так делал тайком от дяди. Вместо уроков я отправлялся ловить рыбу или шел к Ко Айе Мину поиграть на компьютере. Мне хотелось целые дни проводить с отцом, но я знал: он ни за что не позволит мне отлынивать от учебы.

Я сидел в опостылевшей школе и думал, как прекрасно мог бы провести это время с отцом. А еще я думал, что каждый день приближает его возвращение в Янгон. От этой мысли мне становилось еще тоскливее. Меня выручал только счет.

Один-два-три-четыре-пять...

Едва занятия заканчивались, я кратчайшим путем мчался домой. И тогда время начало течь слишком быстро. Домой я прибегал запыхавшимся. Отец то сидел на крыше, ремонтируя водосборные желоба, то копал канаву за курятником. Пока я маялся в школе, он где-то раздобыл бетономешалку, лопаты, мешки с цементом и целую грудку кирпичей. Отец решил построить нам бак для воды. Я помогал в меру своих сил. Мы перемешивали цемент и заливали в основание бака. Я сортировал камни и подавал отцу. Как-то зашли двое соседей, предложили помочь. Отец поблагодарил их и сказал, что мы прекрасно справимся сами. Не знаю, зачем он так сказал. С соседской помощью работа пошла бы быстрее. Возможно, отец – из тех людей, кому трудно принимать чужую щедрость.

Он действовал быстро и умело. Мы с ним великолепно сработались. За несколько дней нам удалось закончить первый из двух баков.

Ранним вечером мы вместе готовили обед, а затем наступало время для музыки.

Отец привез с собой странного вида металлический держатель. Туда можно было вставлять губную гармошку. Держатель он вешал себе на шею и мог одновременно играть на гитаре и гармошке.

У отца красивый голос. Наше музицирование всегда начиналось с того, что он исполнял для меня несколько песен. Одна мне особенно понравилась. Начиналась она с гитарных аккордов, затем вступала гармошка. Прослушав несколько раз слова песни, я запомнил их наизусть.

– Я жить хочу и хочу отдавать, – пел отец. – Я глубоко копал, ища золотое сердце... Я везде искал золотое сердце... а годы шли, и я старел...

Отец сидел на кушетке и пел. Я смотрел на него и думал: «Вот человек с золотым сердцем».

Он и У Ба.

И конечно же, моя мама.

В выходные мы собирались побродить по окрестностям и поплавать, но до этого так и не дошло. Нам хотелось музицировать.

Он был прав. Оказалось, научиться играть на губной гармошке совсем не сложно. И почему я думал, что это тяжело? Уже к концу первого дня я научился извлекать ноты на вдохе и выдохе.

Я упражнялся каждую свободную минуту. Кончилось тем, что я стал подделывать записки с просьбами освободить меня от занятий. Вместо школы я отправлялся на водохранилище и целое утро играл на гармошке. Думаю, учителя были столь же рады не видеть меня, как и я их.

Иногда я вначале заходил к Ко Айе Мину и смотрел на его компьютере видеоролики, где длинноволосый парень доходчиво объяснял собравшимся приемы игры на губной гармошке. Он был хорошим учителем.

Через две недели мы сыграли наш первый дуэт. Отец и сын.

Глава 10

Отец считал, что это целиком его вина. А мне думалось, нам обоим нужно было вести себя повнимательнее.

Пока я скучал, подпирая стенку в школьном коридоре, он начал готовить фундамент для второго водного бака. Когда пошел дождь, отец прикрыл яму брезентом. Вернувшись из школы, я не заметил канавы, ступил в нее и вывихнул левую лодыжку. Она распухла. Казалось, мне под кожу затолкнули мячик для гольфа. Ходить я не мог. Меня это вполне устраивало. Теперь у меня появилось дополнительное время для музыки. Отцу придется одному готовить нам еду.

Наутро опухоль спала, боль утихла, однако каждый шаг возвращал ее снова. Я хромал. Идти в школу я не мог. Ехать на велосипеде – тоже. Попробуйте крутить педаль с вывихнутой лодыжкой.

– Я тебя отнесу, – сказал отец.

– Как?

– На спине.

Затея мне понравилась. Когда наступило время отправляться на занятия, отец присел на корточки. Я забрался к нему на спину, обвил ногами талию и обнял за плечи. Отец отвел руки назад, чтобы надежнее меня держать.

– Я не слишком тяжелый?

– Ничуть. Я и не такие тяжести таскал.

Мы двинулись в путь. Через несколько шагов отец споткнулся о корень. Наверное, он это сделал нарочно, чтобы меня попугать. Я провозгласил отца своим конем, и он галопом поскакал по улице. После сотни метров он был вынужден остановиться и перевести дух.

– Шевелись, старая кляча! – кричал я, но даже мои понукания не сразу заставили отца тронуться с места.

Мы одолели полпути до школы, когда шутки ради я приложил ладони к его глазам.

– Эй, что ты делаешь? Мне не видно! – крикнул отец и засмеялся.

– Тебе и не надо видеть, – ответил я. – У тебя есть я. Я буду тебя направлять. – (Отец резко остановился.) – В чем дело? – громко спросил я. – Почему ты остановился?

– У Ба тебе что-то рассказал?

– А что он должен был мне рассказать?

– Историю твоего деда.

– Нет. А что с дедом случилось? – (Отец не отвечал.) – Может я все-таки слишком тяжелый? – спросил я.

– Ничуть.

– Тогда в чем дело?

– Ни в чем, – сказал отец и крепче подхватил меня под ягодицы. – Все в порядке.

Прежде чем мы добрались до школы, он еще раз осмотрел мою ногу и сказал, что надо показаться врачу.

По пути туда мы зашли в чайную Мья Мьинт Моэ. Мы расположились на крытой террасе. Себе отец заказал чай, мне – содовую. Официантка принесла свежие булочки, а вскоре и напитки. Отец взял две палочки для еды и начал легонько стучать по столу, отбивая ритм. Мне это так понравилось, что я тоже взял палочки и присоединился к нему. Все у нас превращалось в музыкальные инструменты: чайный стакан, бутылочка кока-колы, тарелка с булочками. Казалось, мы играем на ударной установке.

– Я жить хочу и хочу отдавать, – негромко запел отец.

Кто-то из посетителей смотрел на нас с раздражением. Другие одобрительно кивали.

И вдруг у отца перекосило лицо. С места, где он сидел, была видна улица. Я сидел к улице спиной и решил: отец увидел что-то неприятное. Он опустил палочки. У него округлились глаза. На мгновение мне показалось, будто я что-то в них разглядел. Там как дверца приоткрылась и сейчас же захлопнулась.

Был ли это страх? Гнев?

Я обернулся. Улица как улица. Перед входом в чайную стояли две женщины и оживленно болтали, держа на голове корзинки с покупками. Рядом с ними остановился армейский джип. Оттуда выбрались четверо солдат. Они прошли на веранду и уселись за соседний столик. Отец следил за каждым их шагом.

– Папа, что случилось? – (Он не слышал моего вопроса.) – Папа?!

Он по-прежнему смотрел на солдат, хотя те не обращали на нас никакого внимания. Внутри его что-то бурлило. Казалось, отец вот-вот встанет и подойдет к ним. Я чувствовал, как его сотрясает мелкая дрожь. Поведение отца начинало меня пугать.

– У меня нога болит, – сказал я, надеясь его отвлечь, но он никак не отреагировал. – Она правда болит! – уже громче и настойчивее повторил я.

Отец повернулся ко мне, вынул банкноту в тысячу кьят, бросил на стол и резко поднялся, опрокинув стул. Солдаты покосились на нас. Отец собрался уйти, хотя мы даже не притронулись к заказанным напиткам.

– Идем! – скомандовал он.

Отец быстро вышел из чайной. Хромая, я последовал за ним. Наконец он вспомнил, что я не могу идти, и снова усадил меня на спину.

– Ты знаешь этих солдат? – спросил я, когда мы отошли на достаточное расстояние.

– Одного знаю.

– Откуда?

Есть разные причины хранить молчание. Это я узнал от У Ба.

Одна из них – страх. Или стыд. Неведение. Трусость. Иногда молчанием наказывают того, кто рядом. Причиной может быть и молчаливое счастье. И тихая радость.

Причину отцовского молчания я не знал. Зато я знал другое: никакого ответа я все равно от него не получу.

Врач дал нам мазь, пакет бинта и велел менять повязку дважды в день. К сожалению, через несколько дней от моего вывиха не осталось и следа. «Мячик для гольфа» исчез, и я снова мог ходить, как прежде.

О тех солдатах в чайной больше не было сказано ни слова.

Глава 11

Из гостиной до меня донесся голос отца. Говорил он тихо, почти шепотом. Я подумал, что У Ба вернулся раньше срока, и выбрался из постели, желая поздороваться с дядей.

Отец сидел на кушетке, спиной ко мне. Меня он не видел. На столе горела свеча. Отец курил чируту. Никакого У Ба рядом не было.

Отец говорил по телефону. Голос его звучал напряженно. Он как будто задыхался. Разговор не предназначался для моих ушей. Целую минуту я боролся с искушением подслушать, и оно победило. Я ловил обрывки фраз, но этого оказалось достаточно, чтобы понять: там, в Янгоне, что-то произошло. На цыпочках я вернулся в постель.

Я лежал, представляя маму. Я часто так делал, когда не мог уснуть. Как говорил У Ба, она высокая, стройная и движется с изяществом. Волосы у нее черные и слегка выющиеся. Они покрывают ей спину и тянутся почти до пояса. А иногда она закручивает их в узел, скрепляя палочкой для еды. И еще она втыкает в волосы цветок, как делают многие женщины на базаре. Иногда это белая плюмерия, иногда – гибискус.

Когда она меня зовет, ее голос звучит звонко и молодо, словно она моя старшая сестра.

Я вижу ее лицо. Ее глаза лучатся. Таких лучащихся глаз я не встречал ни у кого. А от ее улыбки на сердце становится тепло.

По ее левой щеке тянется шрам: темно-красный, толщиной со спичку. Длинный: от уголка рта почти до уха. И все равно я считаю свою маму красивой.

Мы очень похожи. Настолько похожи, что, когда мы стоим рядом, все говорят, что я – ее копия.

Мне это нравится.

Через какое-то время отец вернулся в постель. Дышал он учащенно и неглубоко. Как всегда, я повернулся к нему и взял за руку. Он тоже повернулся ко мне. Наши носы почти соприкасались. Его волосы пахли сигарным дымом. Я кожей ощущал его теплое дыхание, но и в дыхании тоже что-то изменилось. Оно стало резче, кислее, с примесью горечи.

– Папа... – позвал я, словно мне требовалось подтверждение, что он лежит рядом, но отец молчал. – Папа! – повторил я.

– Чего тебе?

Мне хотелось спросить: «Это ты с мамой говорил по телефону? Почему твой голос звучал так странно? Она заболела? Она спрашивала про меня?»

Но спросить я не решился. Слишком боялся услышать его ответ. Я знал, что мама неважно себя чувствует. Может, ей стало хуже? А вдруг она не спрашивала про меня, поскольку я стал ей безразличен? Больше всего я боялся, что отец говорил совсем не с мамой, а с другой женщиной. У него появилась новая жена. А что, если он и не мог говорить с мамой, потому что она умерла? Это меня особенно пугало, и я не мог вымолвить ни слова.

– Чего тебе? – снова спросил отец.

– Я... я... я чего-то спать не хочу. Выспался.

– Не выдумывай. Ночь на дворе. Давай спи.

Отец ворочался с боку на бок. Ему не спалось, как и мне. Мало-помалу его дыхание выровнялось, и вскоре он уже храпел.

Обождая еще немного, я вылез из постели и пробрался в гостиную. Телефон отец оставил на столе. Я не успел задуматься над своим поступком: рука сама потянулась к телефону. Я просмотрел список входящих и исходящих звонков. Два звонка отец сделал незадолго до полуночи и еще один в 12:37. Все – на один и то же номер, который был мне неизвестен. Правда, это еще ни о чем не говорило, поскольку я знал всего два номера: Ко Айе Мина и дядин.

Почти без колебаний я нажал кнопку повторного вызова. Из динамика донеслось потрескивание, потом раздались сигналы вызова. У меня закружилась голова. Стало зябко. Сердце гудко колотилось. Биение сердца заполняло всю грудь, и я едва мог дышать.

Я поднес телефон к уху и ждал. Паузы между гудками становились все длиннее.

Я уже собирался сбросить вызов, когда в динамике послышался угрюмый и усталый женский голос:

– Алло.

В недоумении я смотрел на отцовский телефон. Неужели мне ответила мама?

Мне отчаянно хотелось что-то сказать, но я не находил слов.

– Кто это? – спросила женщина.

Ее голос был совсем не похож на голос мамы. Он напоминал рычание.

Собрав все свое мужество, я прошептал:

– Бо Бо. Это Бо Бо говорит.

Молчание.

Женщина на другом конце линии тяжело дышала. Не знаю, сколько времени успело пройти, прежде чем она спросила:

– Кто?

– Бо Бо.

Опять молчание. У меня начало звенеть в ушах.

– Бо Бо? – переспросила женщина.

– Да.

Я затаил дыхание, не смея шевельнуться.

– Я... я... не знаю.

В ее голосе ощущался вопрос, будто она пыталась что-то вспомнить.

– Из Кало! – крикнул я. – Бо Бо и У Ба.

Женщина отключилась.

Я обеими руками сжал отцовский телефон. Может, она забыла, кто я такой? Может, она стала, как бабушка До Хнин Айе? Та совсем ничего не помнит. Наливает воду в огонь, не может найти дорогу домой и каждое утро спрашивает внуков, кто они такие и что им здесь надо.

Нет, это был голос другой женщины. Не моей мамы.

Это был голос старой больной женщины.

Голос чужого, незнакомого человека.

А потом телефон зазвонил.

Один раз.

Второй.

Я не хотел, чтобы отец проснулся, и отключил звук.

Телефон умолк, но вибровывоз оставался включенным. Вибрации отдавались во всем моем теле. С каждым новым сигналом они становились все настойчивее.

Через какое-то время они прекратились и тут же начались снова.

Я в оцепенении сидел на кушетке, не зная, как мне быть. Когда телефон опять завибрировал, я просто вернулся в постель.

Вскоре я уснул.

В тот день отец ждал меня перед школой. Я не сразу его заметил. К концу уроков там всегда столпотворение. Полицейский со свистком регулировал уличное движение. Джипы, приехавшие за офицерскими детьми, перегородили улицу. Между ними лавировали родители, ехавшие на мопедах. Матери с зонтиками в руках ждали своих детей из младших классов.

Отец стоял на другой стороне улицы, в тени бугенвиллеи. Он помахал мне. Наши глаза встретились. Я протиснулся через толпу ребят и побежал к нему.

– Хочешь полакомиться свежим тростниковым соком? – спросил он, зная, как я люблю этот сок. – Или мороженым?

Мы пошли к лотку с мороженым. Там было всего два сорта: со вкусом зеленого чая и папайи. Как раз те, что мне не нравились.

Отец взял меня за руку и мы отправились в закусочную близ рынка, где сели под пластиковым навесом. По небу неслись тучи, предвещая дождь.

Сок был вкусным: прохладным и не слишком сладким. Я пил его маленькими глоточками, стараясь подольше растянуть удовольствие.

Отец закурил сигарету и, глядя на меня, вдруг сказал:

– Я говорил с мамой по телефону.

У меня свело живот, словно кто-то из мальчишек на игровой площадке заехал туда локтем. Боль оказалась настолько сильной, что я наклонился вперед и тихо застонал.

Может, та женщина сообщила отцу, что кто-то звонил с его телефона?

Я не хотел ничего слышать об этой женщине. Ни слова.

– Что с тобой? – встревожился отец.

– Живот чуть-чуть болит, – соврал я. – Ничего страшного.

– Она передает тебе свою любовь.

– Кто?

– Твоя мама.

Я пристально смотрел на отца и пытался прочитать у него по глазам. Казалось, достаточно подольше всмотреться в них – и я увижу, что у него в душе. С моей стороны это было невежливо, но я не мог удержаться. Отец не отводил глаз. И вдруг во взгляде его что-то дрогнуло. Отец поднял брови и наморщил лоб.

– Что с тобой? – спросил он.

В его голосе слышалось удивление. Или то было замешательство? Может, шаткость, поскольку он врал?

Раскаты грома заставили меня вздрогнуть. Следом хлынул дождь.

– Я спросил, что с тобой?

– Ничего.

– Тогда почему ты на меня так смотришь?

– Как... как я на тебя смотрю? – спросил я, опуская голову.

– Будто я чужой человек, которого ты боишься.

Я не знал, что на это ответить.

Отец ждал ответа.

– Бо Бо... – Он взял меня за подбородок и слегка приподнял, чтобы наши глаза снова оказались на одном уровне. – Бо Бо, – повторил он. – Новости не из приятных. Маме нужна моя помощь. Вечером я вынужден уехать в Янгон. Поеду на автобусе. Мне очень жаль, что так получилось.

Я дернул головой. Отец опустил руку.

Меня уже не интересовало, что там происходило у него в душе; было ли ему действительно жаль, или он просто так говорил. Меня уже не волновало, говорит он правду или врет, и тяжело ли ему уезжать. Все это меня не интересовало.

Больше всего мне хотелось кричать.

Лягаться.

Ударить его.

Отец не пробыл здесь и трех недель. Мы хотели вместе достроить второй бак для воды. Хотели заниматься музыкой. Выстругивать фигурки из дерева. Готовить еду. Мы собирались побродить по окрестностям и поплавать.

– Хочешь еще сока? – тихо спросил он.

– Нет! – громко и грубо ответил я.

Такой ответ не вязался с моим состоянием. А может, как раз вязался.

– Можно мне поехать с тобой?

Раньше я бы не осмелился задать этот вопрос.

Отец удивленно посмотрел на меня:

– Об этом не может быть и речи.

– Ну пожалуйста!

– Это невозможно.

– Почему я не могу поехать?

– Потому что не можешь. Слишком рано...

– Но почему...

– Потому что я так сказал! – резко перебил меня отец.

– Всего на несколько дней.

– Нет. Это не обсуждается. И довольно скулить. Больше не хочу слышать ни слова об этом. Понял?

Отец никогда не говорил со мной в таком тоне.

Дождь стоял стеной. Вода ручьями стекала с навеса, но меня это не волновало. Я встал и двинулся по улице к железнодорожной станции. Через несколько шагов рубашка, лоунджи и рюкзак промокли насквозь. Мои вьетнамки вязли в глинистой жиже. Я продолжал идти.

– Бо Бо, подожди! – окликнул меня отец, и я прибавил шаг. – Да постой ты!

Мопед, проезжавший мимо, угодил в лужу, отчего вся моя белая рубашка покрылась комьями грязи.

– Подожди меня!

Хватит с меня ожиданий. Отец не имел права уезжать так рано.

Слезы на моих щеках смешивались с каплями дождя. Я не обращал внимания.

Отец почти догнал меня. И тогда я побежал. Я бежал изо всех сил. Мимо станции. Через пути. Вверх по склону. Мне было плевать на дождь, боль в груди и кровоточащие царапины на ногах.

Добравшись до дому, я вынес из своей комнаты губную гармошку и положил на стол.

Через несколько минут появился запыхавшийся, насквозь промокший отец. В руке он держал потерянную мной вьетнамку.

– Можешь забирать и гармошку! – Я ткнул пальцем в его подарок. – Мне она больше не нужна.

Глава 12

Несколько дней я прожил у Ко Айе Мина.

Однажды вечером, сидя в его домике, я рассказал о женщине, ответившей по телефону, и о поспешном отъезде отца.

Ко Айе Мин молча слушал мой рассказ, иногда морща лоб и покусывая губу. Когда я закончил, он надолго задумался.

– Должно быть, у твоего отца были на то причины, – наконец решил Ко Айе Мин.

Я хмуро посмотрел на друга. Не такой ответ мне хотелось услышать. Совсем не такой. А какой? Подумав, я понял, что и сам не знаю.

Бедный Бо Бо?

Нет, я не искал жалости к себе.

Как твоему отцу хватило наглости вот так взять и уехать? Теперь снова целый год жди его приезда.

И не это. Вздумай Ко Айе Мин осуждать моего отца, я бы сразу встал на его защиту. Внутри у меня все так переплелось и перепуталось, что я не знал, кому бы удалось распутать этот клубок. Только не мне.

Должно быть, у него были на то причины.

Чем больше я раздумывал над этой фразой, тем сильнее ощущал свою беспомощность.

Причины. Естественно, у отца были причины. Вот только кто бы рассказал мне о них.

Наутро я подделал дядину подпись на объяснительной записке и отправил записку в школу с Ко Тху Рией. Лучшего друга, чем он, у меня в классе не было. Он меня не выдаст.

Ко Айе Мин ушел из дому рано. Ему нужно было добраться до аэропорта в Хайхо, встретить группу туристов и отвезти их в отель на озере Инле. Я часами сидел в его конторе перед компьютером. Сыграл несколько партий в шахматы с американским парнишкой – все проиграл. Потом без особого интереса порылся на книжных полках, посмотрел на YouTube видеоролик с самыми впечатляющими голами, забитыми Криштиану Роналду. Когда мне это наскучило, стал искать ролики с пингвинами и попугаями – самыми моими любимыми птицами. Нашел. Однако и они увлекли меня ненадолго.

Я вышел за дверь, сел под навес и стал ждать, толком не зная, чего жду. Когда заморосил дождь, я стал смотреть на него.

Ближе к вечеру вернулся Ко Айе Мин и протянул мне небольшой пакет, завернутый в старую газету:

– Я кое-что тебе купил.

Я сразу же понял, что внутри, и потому не торопился разворачивать.

– Разве ты не хочешь посмотреть? – с оттенком разочарования спросил Ко Айе Мин.

– Конечно хочу, – ответил я и торопливо разорвал газетную упаковку.

Внутри была новенькая, сверкающая губная гармошка.

Я проглотил ком в горле. Щедрый подарок, но от этого мне стало еще хуже.

– Спасибо.

Чтобы не обижать Ко Айе Мина, я поднес гармошку к губам и дунул.

Она звучала как мой отец.

Отвратительно она звучала.

– Какой прекрасный звук! – радостно сказал Ко Айе Мин. – Можешь что-нибудь сыграть?

– Пока нет, но скоро сыграю, – соврал я, стыдясь собственной бессовестности.

Вечером Ко Айе Мин позвал меня на обед в «Красный дом», куда он пригласил и свою подругу Ма Эй. Мы ели пиццу, лапшу и белый, как цветки жасмина, сыр моцарелла. Вроде было что-то еще, поданное с сырыми помидорами и оливковым маслом. Последнее меня очень

удивило. Насколько я знаю, некоторые девчонки втирали оливковое масло в волосы, чтобы больше блестели. Я всегда заказывал спагетти с перченым томатным соусом, надеясь, что соус приготовлен не на оливковом масле.

Как-то я уже встречал Ма Эй в офисе Ко Аие Мина. Она была невысокого роста, немногим выше меня. Тогда она попросила, чтобы я научил ее играть в шахматы. По ее словам, Ко Аие Мин – слишком строгий учитель. Ма Эй жила в Кало и вместе с младшей сестрой работала в ресторанчике их матери, находящемся близ базара.

Волосы у нее были такими длинными, что спускались почти до бедер. Но самым удивительным у нее были глаза. Совсем круглые и не карие, а синеvато-серые.

Ма Эй была рада видеть нас с Ко Аие Мином. Первые несколько минут она возбужденно тараторила, но вскоре успокоилась. Она спрашивала, какие предметы в школе мне нравятся больше всего, как чувствует себя мой дядя и каково мне живется с ним в компании кур и свиньи. Ма Эй внимательно выслушивала мои ответы, а когда я сказал, что у нее очень красивые глаза, засмеялась и потрепала меня по руке.

Никто и никогда не обращался так со мной.

– А ты симпатичный.

И таких слов мне никогда не говорили.

Я хорошо видел, что ей по-настоящему нравится Ко Аие Мин. Ее глаза светились радостью и восхищением. Однако в них таилось и еще что-то. Я заметил это не сразу, поскольку смотрел на ее улыбку и отвлекался на вопросы. Чем дольше мы сидели и говорили, тем отчетливее я видел это непонятное что-то.

Казалось, у меня перед глазами медленно расходится туман. Нужно лишь было набраться терпения.

«Многие люди так себя ведут, – думал я. – Они могут смеяться. По-настоящему, когда смеются губы, щеки и все лицо. Глаза у них сияют, а на сердце словно лежит тяжелый камень».

Когда я заметил это у Ма Эй, ощущение скрываемой тяжести уже не покидало меня весь вечер.

Перед уходом Ко Аие Мин отошел расплатиться и о чем-то спросить. Наши глаза снова встретились. Ма Эй поняла: я увидел то, что она прятала за нежной улыбкой.

Она ничего не сказала.

Только молча потрепала меня по руке, второй раз за этот вечер.

На следующий день на пороге дома Ко Аие Мина неожиданно появился У Ба. Никогда еще я не был так рад встрече с дядей, как сейчас.

– Вот ты где! В школе никто не знает, куда ты подевался. Учителя изумились, увидев меня. Они утверждали, что я посылал записку с просьбой освободить тебя от занятий...

Я испугался, что дядя рассердится на мои проделки.

– Извини. Я... – пробормотал я и запнулся.

– Мне понадобилась вся сила воображения, чтобы вразумительно объяснить им, что записка запиской, а где ты сейчас, я не знаю...

На дядином лице мелькнула улыбка. Я понял, что он на меня не сердится. Я подбежал к нему. У Ба обнял меня.

– Ты давно вернулся?

– Нет, этим утром. Ехал на автобусе и потом лег вздремнуть.

Я крепко обнял его и долго не отпускал.

– Ты пойдешь со мной?

– Конечно. Я ждал тебя. Без тебя и папы дом становится таким большим...

Я запер контору Ко Аие Мина и положил ключ под коврик. Держась за руки, мы пошли домой. По дороге завернули на базар: купить букет цветов для алтаря, а также мягкого хлеба и растворимого кофе дяде на завтрак. На обед мы купили яиц, риса, лука и овощей.

Глава 13

За время отсутствия дядя изменился. Поездка в Янгон отняла у него немало сил. Даже массаж ног не взбадривал его, как раньше. Я это чувствовал, хотя он и утверждал, что я ошибаюсь.

Он еще похудел и, как мне показалось, стал ниже ростом. Он ходил медленнее и больше сутулился, словно каждый шаг требовал усилий. «Будь я таким же рослым и сильным, как мой отец, – думал я, – посадил бы дядю на спину и носил бы по двору и по всему Кало». Мы бы вместе отправлялись на базар за покупками, а потом заходили бы в его любимую чайную, чтобы заказать шанскую лапшу и невероятно крепкий чай. Если бы он захотел, я бы даже поднялся с ним по двумстам семидесяти двум монастырским ступеням, чтобы он мог полюбоваться оттуда видом на город. Но таким рослым и сильным я стану только через три или четыре года.

По утрам дяде становилось все тяжелее вставать с постели. Он уже не завтракал со мной, как раньше. Когда я возвращался из школы, мне казалось, что он совсем недавно проснулся. Зато вечером он теперь засиживался допоздна. Приходя по утрам на кухню, я заставал в очаге теплую золу. И чайник тоже был теплым. Почему У Ба не спалось ночами? Чем он занимался в это время? Я представил, как тяжело ему сидеть на кушетке, когда я уже давно сплю. И соседи тоже спят. Ни одного звука вокруг. Птицы не щебечут. Даже куры не кудахчут.

Дядя говорил, что его душа путешествует медленнее поезда и автобуса. Должно быть, она еще не вернулась домой. Возможно, где-то застряла. Мне казалось: когда душа вернется и У Ба вновь станет цельным, он сделается разговорчивее. Но шли дни, а улучшения не наступало. Я начал беспокоиться, хотя он и не хотел меня волновать. Только как тут не заволноваться?

Все это время я надеялся, что он расскажет мне о поездке. Надеялся и боялся. Мне явно не хватало смелости спросить самому. После разговора с той женщиной и поспешного отъезда отца страх услышать совсем не те ответы постоянно возрастал.

Спустя несколько недель после дядиного возвращения меня разбудил странный шум. Нет, не тиканье часов. Звук был слишком громким и неритмичным. Может, кто-то из соседей стучал молотком? Тоже нет. Молоток стучит сильнее и грубее. Казалось, кто-то по чему-то стучал. Источник звука находился не в соседних домах, а в нашем.

Постель рядом со мной пустовала. Из гостиной пробивался свет. Я выбрался из постели, подошел к занавеске и заглянул в дырочку.

Дядя сидел за письменным столом. Рядом стояли чайник и старая портативная пишущая машинка, которую год назад он купил на базаре. Прежде я не видел, чтобы дядя на ней печатал. Справа от машинки высилась стопка бумаги. Один лист был заправлен в машинку. Вокруг дяди горело с полдюжины свечей. Часы показывали пятый час утра.

У Ба печатал двумя пальцами. Иногда он прекращал работу, наклонялся вперед, брал лист и читал. Потом морщил лоб. Вид у дяди был очень раздосадованный.

Иногда он вынимал лист из машинки и клал в другую стопку, тоньше первой. Бывало, брал карандаш и что-то добавлял к печатному тексту. Но чаще он комкал листы и бросал в мусорную корзинку. Там их набралось уже изрядно.

Это ничуть не уменьшило моих страхов. Дядя выглядел измученным. Поглощенным своим занятием. Отсутствующим. Одиноким. Порой он громко стонал, в отчаянии мотал головой или обхватывал ее руками.

В следующую ночь мне было не до сна. Дядя несколько раз подходил к постели. Когда он решил, что я сплю, слышался скрип поднимаемой крышки комода. Дядя достал машинку и бумагу.

Еще через несколько дней мое любопытство одержало верх. Я проснулся рано, зажег огонь в очаге, поставил воду. Потом стал вытирать пыль с алтаря. Выбросил из ваз увядшие

цветы и срезал свежие. Вместо одной миски риса я насыпал две и добавил в качестве приношения Будде здоровенный банан и два его любимых леденца. Сегодня мне очень понадобится его прощение.

Заглянув в спальню и убедившись, что дядя спит, я подошел к комоду и поднял крышку.

Там стояла черная пишущая машинка, лежала пачка белой бумаги и небольшая стопка отпечатанных листов. Я остановился и начал размышлять. Если бы дядя хотел посвятить меня в свои ночные занятия, то сам бы мне о них рассказал. А если бы хотел показать, что печатает, дал бы прочесть.

В конце концов любопытство одержало верх.

Я взял отпечатанные листы, тщательно закрыл крышку и уселся на пол.

Мое сердце отчаянно колотилось, словно я только что примчался с базара и бежал вверх по склону. Отчаянно и безрассудно. Мне невероятно хотелось прочитать дядины страницы, и в то же время меня мучила совесть. Не хотелось делать это втихомолку от У Ба, совать нос в его большой секрет.

В гостиной было сумрачно. Я зажег свечку. Медленно-медленно я поднял первый пустой лист. На втором была всего одна строчка:

Моему любимому Бо Бо Храброму!

Если это посвящается мне, значит нет ничего плохого в том, если я это прочту.

Часть I

От них требовалась смелость, превосходящая силу их сердец.

К тому времени, когда они поняли свои ошибки, было уже слишком поздно.

По этим двум фразам я понял: речь шла о моих родителях. Это была их история.

А значит, и моя.

Наша.

И все равно я боялся читать дальше. Может, потому и боялся.

Хотел ли я знать, что случилось, когда от двух сердец потребовалась смелость, превосходящая их силу? Хотел ли я знать, к чему это привело?

Я опустил страницы и долго смотрел на свечу, будто мог найти ответ в ее колеблющемся пламени.

Мне было невероятно одиноко. У Ба спал в соседней комнате, но находился бесконечно далеко.

Я даже не хотел думать о своих родителях.

У нее не было никакого плана. Только мечта.

У него не было ни того ни другого. Вдобавок он боялся.

А страх, как известно, естественный враг любви. Человек, одолеваемый страхами, не может любить.

Только цепляться.

Оба были узниками своих миров, оба верили, что смогут освободить друг друга, если будут достаточно любить.

Любовь может сотворить множество чудес, однако она не в силах исполнить эту надежду; надежду столь же давнюю, как сама любовь.

Истории их жизни не могли бы быть более непохожими.

Джулия имела лишь смутные представления обо всем этом, когда молча покинула борт готового к вылету самолета и вышла из терминала аэропорта Хайхо. Она собиралась вернуться в Нью-Йорк, но не смогла. Она должна была остаться в Бирме, рядом с Тхар Тхаром.

В тени акации ее ожидало такси. Там, на заднем сиденье, с веткой жасмина в руке, сидел ее брат. Час назад они простились. Он приветствовал ее с понимающей улыбкой.

Оба молча смотрели, как самолет покатился по взлетной полосе. Быстро набрав скорость, он оторвался от земли, взмыл в воздух и стал подниматься все выше. Сделав полукруг, он взял курс на Манадалай. Вскоре самолет превратился в белую точку на фоне громадного синего безоблачного неба. Джулия закрыла глаза. Внутри ее росло нечто большее, чем просто обещание. Новая жизнь, хотя и крошечная, размером со спичку.

Второй шанс. Как часто человек его получает?

Подарок.

Часть ее, которая останется навсегда. На этот раз она будет осторожнее. На этот раз никто не сможет их разлучить.

Я слишком смутился и не смог читать дальше. Должно быть, это я рос внутри ее. Никто не мог нас разлучить, однако я уже давно жил с дядей здесь, а она жила в Янгоне.

Почему?

Краешком глаза я увидел на половицах две старые босые ступни и поднял голову. Рядом со мной стоял У Ба. Я и не слышал, как он подошел.

– Что ты тут делаешь, черт тебя побери?! – спросил он таким тоном, что у меня застыло сердце. – Бо Бо, мой Бо Бо! Ты... Тебе нельзя...

Часть вторая

Глава 1

За целых семь дней мы с У Ба не сказали друг другу ни слова.

Семь дней, когда тишина проникла во все уголки нашего дома.

Семь дней, когда гнев и досада отравляли наши сердца, втекая туда ядовитыми струйками.

Дяде казалось, что я действовал за его спиной. Предал его. Обманул. Он и подумать не мог, что я тайком буду рыться в его вещах! Что осмелюсь читать эти страницы без его разрешения! Я был слишком мал и неопытен, чтобы разбираться в подобных делах.

Его недовольство действовало угнетающе. Я чувствовал себя не лучше кур, переставших кудахтать. Даже свинья не хрюкала.

Я ощущал себя настолько оторванным от него, что мне становилось больно.

Я считал, что дядя не вправе сердиться на меня. Я не совершил никакого преступления. Ничего не украл, никого не ударил и не обманул. Я просто хотел узнать о смелости, которая превосходила силу сердец моих родителей.

Я хотел знать, почему живу не с ними, а с дядей в Кало.

Почему отец приезжает ко мне раз в год.

Почему я не узнал голоса звонившей женщины.

Это была моя история.

У Ба не желал рассказывать мне мою же историю. Ни единой строчки. Тогда и я решил хранить молчание.

Я не готовил ему еду.

Не массировал ступни.

Я жил так, словно его не было рядом.

И как всегда в его отсутствие, дом вдруг по ощущениям стал больше.

Ночи сделались холоднее.

Пустота – пустее.

На третий день дядя пару раз обратился ко мне, но я не отреагировал, и он оставил меня в покое.

На четвертый день он повел себя так, словно меня нет рядом.

На пятый день он объявил, что через несколько месяцев расскажет мне больше.

На шестой день я перестал есть. Я отказывался вылезать из постели и идти в школу.

На седьмой день У Ба вдруг принял решение.

Незадолго до полудня он вошел в нашу спальню и сел на краешек кровати. Откашлялся. Похрустел костяшками пальцев.

Я отвернулся.

– Бо Бо, я целиком пересмотрел этот вопрос.

Я слушал и ждал.

– Ты должен узнать о случившемся.

Я повернулся к нему.

– Это действительно твоя история.

Я потянулся к нему, взял за руку. Она была холодной. Облегчение, испытанное мной, быстро ее согрело.

– Когда? – осторожно спросил я.

– Сегодня. Завтра. Послезавтра. Эту историю не расскажешь за один день. Несколько недель подряд я пытался написать ее для тебя, чтобы ты прочел, когда станешь старше. Мне хотелось, чтобы ты знал о случившемся, даже если я не смогу рассказать тебе об этом сам. Как видишь, я не продвинулся дальше начальных страниц. – Он помолчал. – История эта слишком длинная и запутанная. Она затрагивает самый важный из всех вопросов.

– Какой? – шепотом спросил я.

Дядя снова откашлялся.

– Незадолго до своей смерти мой отец – твой дед – сказал, что в мире существует только одна сила, в которую он по-настоящему верил.

– И какая это сила?

– Любовь. – У Ба надолго замолчал. – Твоя история поднимает вопрос: а не ошибался ли мой отец? Может, в нашей жизни есть сила помощнее любви?

Дядя сидел на кушетке. Перед ним лежал конверт, и он достал из него несколько листов, написанных от руки.

– Что это? – спросил я.

– Страницы из дневника твоей матери и письмо твоего отца к ней. Когда-то давно она отдала мне эти листы и попросила сохранить. Я хотел бы прочесть их тебе. Прямо сейчас.

Я перебрался на кушетку и положил голову дяде на колени. Так мы проводили много дней и вечеров. Дядя читал мне или рассказывал. Я грыз семечки и слушал.

Дядя набрал в легкие побольше воздуха, не спеша выдохнул и откашлялся. Я слышал, как у него заурчало в животе. Глотнув чая, он начал рассказывать.

Глава 2

Когда начинается любовь?

В то мгновение, когда двое встречаются впервые? Когда обмениваются первыми любопытными взглядами? Впервые робко улыбаются друг другу?

Или это происходит намного позже, когда желания и потребности другого начинают преобладать над собственными?

Когда больше не надо самоутверждаться.

Когда страх, утратив свою силу, преобразится в смелость.

У Джулии это произошло раньше.

Любовь укоренилась в ней, когда она услышала историю жизни маленького Тхар Тхара.

Когда поняла, что значит быть нелюбимым ребенком.

Когда его одиночество затронуло ее душу так, как ничто и никогда не затрагивало.

Когда Джулия впервые увидела Тхар Тхара, он вовсе не был для нее чужим, незнакомым человеком. Она знала его историю и чувствовала в нем родственную душу. И тем не менее он оставался полным загадок.

А когда начинается конец любви? С первой лжи во спасение, сеющей семена недоверия, какими бы маленькими они ни были? С первой серьезной ссоры? Со второй?

Когда это возвращает себе все бразды правления?

Когда смелость отступает, а страх разрастается, как плющ в сезон дождей?

Или только когда собственные желания и потребности снова занимают первое место, отодвигая желания и потребности другого?

Но эти вопросы начнут занимать их обоих гораздо позже.

В чайной Джулия оказалась едва ли не первой посетительницей. Кало только просыпался. Первые длинные вереницы монахов и послушников ходили от дома к дому, собирая ежедневные пожертвования. Над лугами и между холмами постепенно рассеивались клочья тумана. В синее безоблачное небо поднимались струи белого дыма. Отовсюду пахло дымом очагов и готовящейся едой.

Было холодно. Джулия поглубже натянула шерстяную шапку, закрывая уши и лоб. Перед ней стояли миска горячей шанской лапши и стакан бирманского чая. Рядом лежал ее открытый дневник.

Последняя запись, датированная вторым января 2007 года, состояла всего из двух слов:
ТХАР ТХАР?!

Ради него она сошла с самолета, готового взлететь.

Осталась с человеком, которого едва знала. С кем провела всего несколько дней.

И две ночи.

Две «полуночи».

Осталась с тем, кто, быть может, вовсе не хотел, чтобы она оставалась.

Будь что будет.

Это она-то, кто, как никто другой, боялась сюрпризов и не любила ничего оставлять на волю случая. Кому было трудно совладать с чем-то неожиданным. Она сама превратилась в большой сюрприз.

Между ее настоящей жизнью в Нью-Йорке и будущей жизнью в Кало или Хсипо лежали два океана, три континента и восемь тысяч миль.

И это если говорить о расстоянии, измеряемом в цифрах.

Можно ли за один день отказаться от собственного эго и поставить интересы другого выше своих?

Ей было тридцать восемь лет. Незамужняя. Как говорят, без привязанностей. Но что это значит? Можно подумать, в мире есть люди, совсем не привязанные к кому-то или чему-то.

Ей еще нет сорока. «Хороший и в то же время плохой возраст», – подумала она. Она была еще достаточно молода для перемен в своей жизни. И уже стара, чтобы начинать жизнь сначала. Метаморфозы хороши для животного мира. Мы не змеи, чтобы сбрасывать старую шкуру. И не гусеницы, способные превратиться в бабочек.

Если бы мы так могли.

Джулия думала о своем возможном будущем. Что оно могло бы ей предложить. Родом ее занятий была юриспруденция. Она специализировалась на корпоративном праве, международном авторском праве и правах интеллектуальной собственности. Окончила Колумбийский университет *summa cum laude*⁷. Будущий партнер в одной из ведущих фирм Уолл-стрита. Клиенты высоко ценили ее эффективную работу, добросовестность и дисциплину. Она была амбициозной. Решительной. Целеустремленной. Сознательной. Очень требовательной к себе, равно как и к другим. Ее резюме и отчеты производили впечатление. Это в Нью-Йорке. А в Бирме? Здесь восторгов было куда меньше.

Человек, которого она полюбила, даже не знал слов «авторское право». Собственность, будь то интеллектуальная или другая, не играла никакой роли в его жизни.

Законов в его стране хватало. Это она поняла сразу. Но на юридические тонкости здесь обращали гораздо меньше внимания, а потому не было и острой потребности в юристах.

Бирме намного большегодились бы ее знания и опыт, будь она врачом, учительницей или инженером.

Если ей придется продать свою нью-йоркскую квартиру, у нее останутся акции и ценные бумаги. По бирманским стандартам внушительное состояние. Но она не знала, насколько ей здесь понадобятся деньги.

Честно говоря, она совершенно не представляла, что будет делать дальше.

Джулия отхлебнула чая и пролиставла записи последних нескольких недель.

Тошнота, иногда со рвотой. Обычно по утрам. Типичные симптомы моего нервного желудка. Здесь он ведет себя так же, как в Нью-Йорке.

* * *

Спала плохо. Ворочалась до рассвета. Боялась, что снова услышу голоса.

* * *

У Ба учит меня бирманскому. По часу в день. Говорит, что в бирманском языке нет такого выражения, как «самореализация». И «неуверенность в себе». Им эти понятия приходится перефразировать.

* * *

Поссорилась с братом. Впервые за все время. Пока он ходил на базар, я навела порядок в его хижине. Не могла дальше выдерживать этот хаос и пыль.

---

⁷ Диплом с отличием (лат.).

Я просто пыталась сделать ему приятное. По его мнению, я вначале должна была спросить разрешения. Из-за этого он не разговаривал почти весь день.

* * *

Испытываю ужас при мысли, что Тхар Тхар больше не захочет меня видеть и не позволит остаться в монастыре с ним и детьми.

Что тогда?

* * *

Написала Тхар Тхару длинное письмо и попросила при первой же возможности приехать в Кало.

Нам надо поговорить.

* * *

Каждый день отправляюсь гулять. Большую часть времени нахожусь наедине с собой, и все равно покоя это не приносит. У Ба считает, что в этом нет ничего удивительного. «Там, где дело касается любви, ставки всегда высоки».

* * *

Снился Нью-Йорк. Я ехала на слоне через Центральный парк, а потом по Пятой авеню. Впереди меня сидел молодой индеец-погонищик. Гудели машины, кто-то из пешеходов останавливался, разинув рот, и глазел на нас. Однако большинство не обращало никакого внимания. На Пятьдесят седьмой улице рядом остановилось такси, в котором сидели мать и моя подруга Эми. Посмотрели на меня, на индийца, покачали головой и поехали дальше. Мне захотелось слезть со слона, но без посторонней помощи я это сделать не могла. Я попросила погонищика остановиться. Он и ухом не повел. Тогда я стала кричать, зовя на помощь, но меня никто не слышал. Чем громче я кричала, тем быстрее двигался слон. Наконец У Ба меня разбудил. Оказалось, я громко кричала не только во сне, но и наяву.

* * *

Сожгла письмо к Тхар Тхару. Слишком боюсь получить его ответ.

* * *

Покинула хижину У Ба и теперь живу в отеле «Кало». Надеюсь, что здесь почувствую себя лучше. Захотелось спать в нормальной кровати, а не на подстилке. Надоело черпать воду из бочки. Захотелось водопровода и горячего душа по утрам. И туалета со смывом вместо отхожего места во дворе. Брат

говорит, что мой переезд его совсем не расстроил. Но он не верит, что в отеле мне станет лучше.

* * *

Живу как в пузыре. В Кало до сих пор радио и телевизоры являются редкостью. Здесь нет газет, сотовых телефонов и Интернета.

Что бы ни происходило в остальном мире, местных жителей это не интересует. Место без развлечений, живущее в своем временном поясе и в своем ритме.

Но мой ли это ритм? И если нет, станет ли он когда-нибудь моим?

* * *

У Ба мне не докучает. Он занят реставрацией старых книг. Он практически ничего от меня не ждет и почти ни о чем не просит. Такова его манера поведения, но мне она облегчения не приносит.

Я привыкла иметь дело с требовательными людьми.

* * *

Сколько еще я пробуду в Кало? Решила поехать в Хсино, повидать Тхар Тхара. Но когда? Сообщить ему заранее о приезде, объяснить, что творится со мной? Или свалиться ему на голову? Не знаю.

Спросила, что думает У Ба. Он посоветовал не торопиться. Некоторые события в жизни нельзя подгонять. У любви свой ритм, свой шаг; то же касается и важных решений. Не каждый выбор является результатом тщательного анализа цифр и фактов, подведения баланса и утомительного подсчета так называемых за и против. «Иногда ответы приходят к нам сами по себе, – говорит У Ба. – Мы должны лишь позаботиться о том, чтобы они нас нашли».

Как мне это сделать?

И как я распознаю правильный ответ?

* * *

В отеле мне спится еще хуже. Тошнота усиливается, а с ней и моя внутренняя неразбериха.

Сердце учащенно бьется. Иногда я едва могу дышать. Ощущение такое, будто я вот-вот взорвусь.

* * *

Много думаю об отце. О том, каким расщепленным он чувствовал себя все эти годы жизни в Нью-Йорке.

Если бы отец был здесь. Хотя бы на один день.

Быть может, он бы услышал биение моего сердца.

И может, подсказал бы, как мне поступить.

Джулия захлопнула дневник. В долине все еще белели клочья тумана. Расплатившись за лапшу и чай, она вышла и двинулась по главной улице к базару, толком не зная, куда идет.

Глава 3

Старик сидел в бамбуковом кресле, закинув ноги на подлокотники. За его спиной высился красивый дом с крышей, покрытой дранкой. На крыльце второго этажа сушились лоунджи и рубашки. Первый занимал магазинчик.

Джулия видела старика не впервые, когда маршруты ее походов по городу пролегали мимо этого дома. Худощавый, в одной и той же зеленой лоунджи с белым узором, поверх которой был надет слишком просторный розовый кардиган. У старика был впечатляюще длинный нос и узкая голова, покрытая выцветшей бейсболкой. Его тощие босые ноги покраснели от холода.

Старик приветственно кивнул ей. Джулия кивнула в ответ.

– Мингалабар! – крикнул он ей, словно старой приятельнице.

– Мингалабар!

– Откуда вы?

Джулия остановилась.

– Из Нью-Йорка, – ответила она. – Из Америки.

– Я знаю, где находится Нью-Йорк, – по-английски ответил старик с сильным британским акцентом. Его маленькие глазки так и буравили Джулию из-под белых кустистых бровей. – Я думал, вы бирманка. Приехали из Янгона.

– Почему вы так подумали?

– Вы ходите широкими, быстрыми шагами. Там все так ходят. – Он ненадолго улыбнулся и наклонил голову набок. – Там не ходят, а носятся.

– Я живу на Манхэттене, – засмеялась Джулия. – Люди там тоже ходят очень быстро. Они вечно спешат.

– Почему?

– Наверное, потому, что у них слишком много дел и очень мало времени.

– У меня как раз наоборот, – улыбнулся старик, обнажая зубы, покрасневшие от бетеля. – Говорите, Манхэттен? Странно. Вы похожи на бирманку.

– Я и есть бирманка. Наполовину. Мой отец родился в Кало. Его звали Тин Вин. Может, вы слышали о нем?

– Нет. Я из Лойко. Приехал к сестре погостить.

Кивком он указал на пожилую женщину, сидевшую за стеклянной витриной и ожидавшую покупателей. На витрине плотными рядами были разложены лоунджи и рулоны материи. Женщина была удивительно похожа на брата. Она дружески подмигнула Джулии.

– Хотите узнать будущее? – спросил старик. – Если позволите, я расскажу, что предвещают вам звезды.

– Нет, спасибо, – ответила Джулия.

– Почему не хотите?

– Я не верю в астрологию и предсказания.

Женщина что-то сказала брату, и они оба засмеялись.

– Сестра говорит, что вы, вероятно, более чем на три четверти американка.

– Скорее на четыре пятых.

– Но я не предсказатель, – продолжал старик. – Я ученый.

Джулия наморщила лоб, сомневаясь в правдивости слов старика. Не дождавшись ее ответа, он сказал:

– Значит, вы не верите, что звезды влияют на нашу жизнь?

– Нет.

– Луна лишает людей сна. Каждый день она вызывает морские приливы...

– Это совсем другое влияние.

– Вы уверены? – Он снял шапочку и почесал лысую голову. – Познакомьтесь с моим искусством и тогда уже решайте, прав ли я.

Джулия растерялась. Ей нравился легкий, необычайно мелодичный голос старика, его живой взгляд и располагающая улыбка.

– Договорились. Но я не хочу услышать никаких плохих новостей, – с шутливой суровостью ответила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.